Страстная ночь в зоопарке

Автор:
Дарья Донцова

Страстная ночь в зоопарке

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #27

Наконец-то я, Виола Тараканова, в миру писательница Арина Виолова, стану всемирно известной! Накануне Нового года я получила приглашение в городок Бургштайн, где русские эмигранты Ольга и Роберт Волковы загорелись желанием издать мои книги. Владельцы издательства приняли меня с распростертыми объятиями и даже поселили в своем шикарном особняке, но их любезность вышла боком! Один из гостей Волковых, ресторанный критик со смешным прозвищем Нуди, уговорил меня устроиться в ресторан «Шпикачка» и разведать страшные тайны местной кухни. Как было не согласиться, если коварный Нуди пообещал мне за это потрясающий сюжет для романа? Но преуспеть в новой роли я не успела – в первый же рабочий день мой издатель Роберт упал замертво прямо на пороге «Шпикачки»!

Дарья Донцова

Страстная ночь в зоопарке

Глава 1

Если ваша жена полнейшая дура, то, может, именно по этой причине она согласилась выйти за вас замуж?

– Рая, немедленно принеси чай, – послышался из глубины квартиры недовольный мужской голос, – да завари хоть раз нормально! Эй, ты, дура, поживей! Идиотка стоеросовая!

– Через десять минут, Толенька, – угодливо крикнула в ответ женщина.

– Сейчас! – сварливо велел муж. – Сию секунду, кретинка!

– У меня в гостях Виола, – попыталась успокоить его хозяйка, – мы занимаемся настоящей новогодней коврижкой. Вилка хочет сделать подарок Оле, Роберту и Борису на Рождество – собственноручно приготовленный десерт.

– Чай! – крикнул Анатолий. – Без промедления!

Раиса умоляюще взглянула на меня:

– Вилка, ну простите, Толенька просто как ребенок! Мне придется отлучиться на пару минут!

Я улыбнулась.

– Ну конечно, мужчинам трудно терпеть голод и жажду. Можно пока посмотреть коллекцию ваших фигурок?

– Любуйтесь на здоровье, – кивнула Раиса и поспешила к чайнику.

Я подошла к небольшому стеклянному шкафу и стала рассматривать уродливые изделия из керамики. Ни малейшей художественной ценности, на мой взгляд, коллекция не имела, Рая просто покупала то, что вызывало у нее умиление: вылепленных из глины щенят, котят, божьих коровок, птичек. Похоже, большинство «раритетов» изготовлено в Китае, но не в эпоху Мин, а пару лет назад. Красная цена всему «зоопарку» – от силы сто евро. Хотя, думаю, в Москве подобный китч стоит намного дороже, в столице России непомерные цены на все. Я не понимала, насколько у нас все дорого, пока не приехала в Бургштайн и не прошлась по местным лавкам. Ей-богу, лучше мне было не затевать это, потому что я сильно расстроилась.

Лет двадцать назад человек из России, очутившийся в какой-нибудь изобильной стране Европы, да еще незадолго до Рождества, испытывал полнейший шок и хотел купить абсолютно все, на что падал взор: от продуктов и хозяйственных мелочей до автомобилей, шуб и нижнего белья. В Москве в то время ничего не было. В году этак девяносто втором я наблюдала, как двадцать девятого декабря народ штурмом брал гастроном, в котором выбросили жуткие сизые сосиски, и страшно завидовала тем, кому они достались. Сейчас на такой изыск в нашей столице никто даже не взглянет, нынче на прилавках изобилие снеди и вещей. Но мы, очутившись за рубежом, как в прежние времена, замираем у витрин с раскрытым ртом. Только теперь удивляет не ассортимент.

Вчера Раечка завела меня в местный супермаркет – обычный сетевой магазин под названием «Онопри», – и я элементарно разозлилась. Ну, во-первых, выбор тут все равно намного больше, чем в элитной московской «Земле гурманов», куда я изредка заглядываю, а во-вторых, за упаковку йогуртов из шести штук, тех самых, которые покупатели в столице обходят стороной, потому что за них требуют столько денег, сколько и здоровый верблюд в мешке не унесет, здесь просили… три евро. В винном отделе теснились бутылки отличного французского вина не дороже пяти европейских рубликов, и это, по мнению жителей Бургштайна, отвратительно дорого. Сливочное масло, ветчина, фрукты, консервы, даже ватные палочки здесь оказались теми же, что в супермаркете возле метро «Варшавская», но я видела другие ценники, а в голове возник вопрос: ну по какой причине я покупаю ЭТО в десять раз дороже? Только не надо говорить о расходах на транспортировку. Коробки с замороженной пиццей благополучно прилетели в Бургштайн из Лос-Анджелеса, и здесь за них просят по четыре евро. Те же упаковки в столице России стоят по полторы тысячи рублей. Ну-ка, давайте посчитаем. Из американского города до Бургштайна девять часов лёта, а до Москвы одиннадцать. Почему стоимость так возросла? Готова спорить, что в России красная цена быстрозамороженному полуфабрикату должна составить шесть-восемь евро. Но почему за него просят аж сорок? Ответ прост: у нас бизнесмены слишком жадные.

Окончательно доконала меня пара туфель, красивых бежевых лодочек фирмы «Моу-моу». Решив достойно выглядеть за границей, я сгоняла накануне отъезда в один из московских торговых центров и, купив себе модную обувь, отдала десять тысяч рублей. Отлично понимаю, каким эпитетом вы меня сейчас наградите, но попытаюсь оправдаться.

Летом прошлого года из города Бургштайн, расположенного в Центральной Европе, мне пришло письмо от владельца издательства «Роб». Хозяин хотел выпустить книги Виолы Тараканової на немецком и французском языках, сулил выгодные условия и достойный гонорар. Мне его предложение крайне польстило, и не только из-за обещанных денег. «Роб» уже давно работает со Смоляковой, а Милада самая яркая звезда на небосклоне российской литературы криминального жанра. За невероятную писучесть пресса прозвала ее «тетя-пулемет», а за постоянное мелькание на телеэкране журналисты ей приклеили литературную кличку «говорящая обезьянка». Но как бы ни изгалялись «золотые перья», что бы ни шипели Миладе в спину коллеги-прозаики, как бы ни врал про нее Интернет, Смолякова с завидным постоянством выпускает новые книги, у нее заоблачные тиражи, потому что народ обожает ее детективы.

Мне никогда не подняться до уровня Милады. Во-первых, я не обладаю ее талантом, во-вторых, я элементарно ленива, люблю подольше поспать по утрам, сходить вечером с Юрой в кафе, посмотреть новый кинофильм, пошляться по магазинам. Порой Арина Виолова (под таким псевдонимом я выпускаю свои книги) неделями не приближается к письменному столу, где немым укором белеет пачка нетронутой бумаги. А Смолякова пашет, как трактор, ее работоспособности позавидует вечный двигатель. Получив предложение от «Роба», я теперь могу, как бы случайно, пробрасывать в разговоре с разными людьми фразу:

– На Западе мои детективы выпускает «Роб», издательство имеет права на двух российских авторов – Виолову и Смолякову.

Получается, что мы с Миладой равны. Надо бороться с собственной завистью и тщеславием. Но я, никогда не пожелавшая ни чужого мужа, ни чужих денег, ни чужой жилплощади, став писательницей, немедленно возмечтала о вселенской славе. С одной стороны, я понимаю – Смолякова всегда будет автором номер один, с другой – не теряю надежды подняться на ее уровень.

«Роб» прислал мне приглашение на ежегодную ярмарку, которую издательство традиционно устраивает в декабре. Неожиданно для меня мои детективы стали очень хорошо продаваться за рубежом. Я быстро попала во все списки бестселлеров и живо пробежала путь с двадцать пятого, последнего места до почетного девятого. Европейские журналисты мало чем отличаются от российских, поэтому они, рассказывая о творчестве Арины Виоловой, практически ничего не говорили о моих детективах, не обсуждали сюжеты, зато

очень подробно освещали биографию. Могу процитировать статью из иностранного журнала, который в переводе носит имя «Сплетник».

«Арина Виолова – псевдоним Виолы Таракановой, дочери уголовника и неизвестной женщины. На вопрос о матери писательница предпочитает отмалчиваться, но об отце рассказывает без утайки. Ленинид Тараканов был многократно судим за воровство, с дочерью впервые встретился, когда та выросла. Встреча с Виолой потрясла отца, он порвал с миром криминала и стал известным актером. Тараканова работала уборщицей, продавщицей, преподавала частным образом немецкий язык детям. Писать начала случайно, став женой профессионального следователя. Брак распался по причине измены мужа. Сейчас Виола не замужем. Она ничего не выдумывает, описывает только произошедшие события, в которых сама принимала участие. Умная, амбициозная, талантливая, сумела подняться из социальных низов к вершинам славы. Говорит о себе так: «Мне мешает лень и несобранность». Встречайте Золушку, которая приехала в Европу. Вот только принца в этой истории не ищите».

Публикации в прессе привлекли ко мне интерес, продажи моих книг росли. И «Роб» теперь считает меня маленьким бриллиантом в своей короне. Приглашение на выставку, куда зовут лишь самых популярных и талантливых авторов, подтвердило мой статус. Когда я увидела официальное приглашение, то исполнилась восторга и решила пробежаться по бутикам. Очень уж хотелось выглядеть в Бургштайне модно, даже роскошно одетой, а мой гардероб не особо обширен. Я совсем не шопоголик, в повседневной жизни предпочитаю джинсы и футболку. У меня нет шубы, потому что в ней неудобно сидеть за рулем, и я не люблю ходить на шпильках, так как всегда попадаю тонким каблуком в щели между паркетинами или решетками водостоков. А еще у меня от изобретения мадам Помпадур болят ноги и ломит спину. Но в программе, которую прислал «Роб», был пункт: «Заключительный день ярмарки. Торжественный прием писателей, переводчиков и критиков». Разве можно появиться на таком мероприятии в кроссовках?

Я купила себе праздничный наряд, включавший и пресловутые туфли «Моу-моу». Женщина в дорогой обуви и с сумочкой, на которой красуется логотип мирового бренда, ощущает себя королевой. И мужчинам не стоит смеяться: они же приобретают для своих автомобилей колеса с такой ненужной деталью, как светящиеся диски, или ставят в салон магнитолы, где на экранах мелькает изображение резвящихся дельфинов. У каждого свои погремушки.

В здании аэропорта Бургштайна, где работало много магазинов, я в первом же увидела свои несусветно дорогие туфли «Моу-моу» по цене… пятьдесят евро. Сначала я решила, что в бутике представлены подделки, ну знаете, всякие там фальшивые «фирменные» изделия из кожзаменителя, но пригляделась внимательно и чуть не скончалась от ярости.

Спустя пару дней пребывания в Бургштайне я приняла историческое решение: более не куплю в Москве ни одной тряпки! Теперь два раза в год буду летать в Европу и там во время сезона скидок пополнять свой гардероб. Даже при условии покупки билетов и проживания в гостинице получится во много раз дешевле. Жаль, что нельзя запастись продуктами!

Я отошла от шкафчика с фигурками и села в кресло. Пока Раиса угощает своего избалованного муженька чайком, расскажу об издательстве и странном городе Бургштайн.

Название «Роб» расшифровывается просто: Роберт, Ольга, Борис. Это аббревиатура из первых букв имен владельцев. Все они эмигранты, когда-то жили в Москве, поэтому никакого языкового барьера между нами нет.

В 70-х годах прошлого века журналист Роберт Волков остался за границей во время командировки в Испанию. Официально эмигрировать из России в те времена было невозможно, но кое-кому из творческой интеллигенции удавалось сбежать, как говорили, «на Запад». Волков наивно полагал, что, очутившись в Европе, сразу получит гору денег и славу. Как многие литераторы, Роберт считал себя талантливее Льва Толстого, Федора Достоевского и всех членов Союза писателей СССР, вместе взятых. В Москве он просиживал стул в Агентстве печати Новости, так называемом АПН, смог выбить командировку в Мадрид и незамедлительно воспользовался случаем для бегства.

Первые несколько месяцев Роберт упивался рухнувшей ему на голову известностью. К беглецу косяком шли репортеры, и никому не известный журналист из Москвы ощутил себя звездой. Он щедро раздавал интервью, клеймил Советскую власть и был представлен прессой как принципиальный диссидент, борец за права человека. Отчасти это было правдой. Роберт порой позволял себе смелые высказывания, и кое-кто в Москве считал его инакомыслящим. Парень окончил журфак МГУ, удачно попал на работу в АПН,

прикрываясь служебной необходимостью, мог читать заграничную прессу, а потом говорить об отсутствии свободы в Советском Союзе. Правда, в основном он разглагольствовал у себя на кухне в компании приятелей. Волков не разворачивал на Красной площади транспарант с надписью «Спасем евреев в СССР», лишь критиковал советский порядок в узком кругу. Но все равно его считали диссидентом. Никто не знал, что Роберту очень хотелось иметь хороший магнитофон, вкусную еду, машину. Именно за материальными благами молодой мужчина и рванул на Запад. Таких эмигрантов называли «колбасными», их не особенно уважали ни в Москве, ни за кордоном, поэтому Роберт старательно скрывал от всех мечты о сытой прекрасной жизни. Оставалось лишь удивляться, почему его не выгнали с работы за длинный язык да еще выпустили в командировку. Но все в жизни бывает! Попросив политического убежища, Волков мгновенно оброс приятелями, завоевав славу непримиримого борца с коммунистическим режимом. Странно, что он как профессиональный репортер упустил из вида простой факт: любая новость – скоропортящийся продукт. Хочешь быть на гребне внимания, постоянно подогревай интерес к себе.

Спустя короткий срок пресса перестала ломиться к дверь к Волкову, появились новые ньюсмейкеры. Организация помощи эмигрантам выдала Роберту талоны на питание, небольшую сумму денег, помогла с оформлением вида на жительство и нашла работу в пекарне.

Волков с возмущением отверг предложение стать пекарем.

– Я писатель! – заявил он. – Работаю над книгой.

Сотрудники организации помощи эмигрантам умыли руки. Роберт сел за письменный стол и написал небольшую повесть о любви.

В предвкушении гонорара журналист порулил сначала в одно крупное издательство, потом в другое, чуть меньше, третье, средней руки, четвертое, совсем небольшое. Ему везде вежливо говорили:

– Простите, но вы пишете на русском языке.

– Так переведите! – требовал Роберт. – Вы держите в руках будущий бестселлер, его захочет купить каждый житель Европы.

Но издатели лишь учтиво улыбались и отказывались от чести выпустить опус Волкова. Материальная помощь скоро закончилась, работу Роберт, коряво изъяснявшийся на московском английском, найти не мог, из отдельной квартиры пришлось выметаться и переселяться в некое подобие местного барака, где на «тридцать восемь комнаток всего одна уборная», затем пришлось выискивать на помойке у супермаркетов выкинутые администрацией по истечении срока годности продукты. Тут только Волков сообразил, что в России ему было не так уж и плохо: своя двушка, оставшаяся от покойных родителей, постоянная работа, друзья, связи. И повесть о любви в СССР напечатали бы. Ну какого черта он подался в Европу?

Вот только назад дороги не было. Роберт почти умирал с голоду, и тут судьба подбросила ему шанс, столкнув с балериной Ольгой, которая тоже сбежала из Москвы, мечтая о карьере примы в Парижской опере.

Несмотря на то что Оле не удалось исполнить партию Одетты или Жизели, она неплохо устроилась. Девушка плясала в одном из парижских варьете, хорошо зарабатывала, имела уютную квартирку в квартале Сен-Жермен на улице Одеон и баловала себя отдыхом на море. Оля приехала на неделю в Испанию с желанием походить по музеям, совершенно случайно столкнулась около кафе с Робертом и мгновенно влюбилась в него.

Русские женщины самоотверженны, трудолюбивы и обожают помогать несчастным. В Париж Оленька вернулась вместе с женихом. Она поселила Роберта у себя, дернула за все ниточки, нашла ему работу на радио, вещавшем на СССР, отмыла, накормила, одела и в конце концов стала его законной женой.

Вскоре после свадьбы Оля сказала супругу:

– Ну его, этот Париж! Здесь выбиться не получится. Сколько я еще в перьях пропляшу? Как будем жить, когда меня из кабаре турнут?

– Я непременно прославлюсь как писатель, – пообещал Роберт.

– Конечно, дорогой, – поспешила согласиться умная Оленька, отлично понимавшая, что нельзя обрезать мужу крылья, честно сказав: «Ты здесь со своими сказками никому не нужен».

Нет, Оля поступила иначе. Она нежно обняла Роба и защебетала:

– В Париже очень дорого жить, счета за электричество просто убивают. Вместо того чтобы работать над книгой, ты вещаешь на радио. Горько мне смотреть на то, как гибнет твой талант. Давай уедем в Бургштайн.

– Куда? – не понял Роберт и услышал пространный рассказ.

В маленьком городке Бургштайн тихо живет в собственном доме сводный брат Оли Борис. У них общая мать, но разные отцы. Несмотря на это, брат и сестра дружны, они вместе сбежали из СССР. Вот только амбициозная Оля кинулась покорять Париж, а скромный Боря осел в провинциальном Бургштайне, у него там дом и работа. Борис стрижет собак.

– Здорово, – протянул Роберт, – почему ты мне раньше о нем не говорила?

Олечка изумилась:

– Милый, я тебе рассказывала! Альбом с фото демонстрировала! Вот же он, на этажерке.

Роберт смутился. Оленька сразу влюбилась в Волкова, а тот связал свою судьбу с танцовщицей, не испытывая сильной страсти. Роберт боялся умереть от голода на какой-нибудь испанской помойке и уцепился за шанс выбраться из грязи. Наивная, восторженная молодая жена с радостью рассказывала супругу про свою семью. Роберт делал вид, что увлечен беседой, а меж тем думал о своем, равнодушно скользя взглядом по снимкам, которые обожала при любом удобном и неудобном случае демонстрировать жена.

– Неужели ты забыл? – скуксилась Ольга. – Как же так? Я часто вспоминала Борю!

Волков опомнился, нежно обнял жену и сказал:

– Конечно, нет, я глупо пошутил. Но, прости, я не хочу похоронить себя в глухой провинции. Лучше уж голодать в Париже, чем доить козу в деревне.

Глава 2

Ольга всплеснула руками и объяснила, что Бургштайн расположен в центре Европы, до крупных городов из него недолго добираться на поезде. Местная аристократия хочет привлечь в него инвесторов, поэтому все будут рады, если Роберт, Оля и Борис откроют там собственное издательство. Борис уже провел разведку. Он давно живет в Бургштайне, хорошо знаком с элитой, мэром, его женой, главврачом больницы, владельцем банка, имеет репутацию безукоризненно честного человека. В Париже пробиться невозможно, а в Бургштайне дорога открыта.

– Издательство? – недоверчиво протянул Роберт. – Но ведь книги надо печатать! Нам придется искать типографию.

Оленька кивнула:

– Боря все устроил. В Бургштайне четыре газеты, три вполне тиражные, одна дохлая, ею владеет Макс Штрих, который собрался переехать к дочери в Америку. Максу девяносто лет, он недорого продаст нам здание редакции и печатающий комплекс. Брат уже договорился со Штихом. Правда, оборудование у него допотопное, но мы раскрутимся и приобретем современное.

– А где взять авторов? – недоумевал Роберт. – И какой профиль будет у издательства?

Ольга теснее прижалась к мужу.

– Советские авторы, их пока в Европе мало знают.

Роберт раскрыл рот, но жена зачастила:

– Ну послушай! В Европе и Америке живет огромное количество русских. Большинство из них хочет читать литературу на родном языке. Мы не совершили никаких преступлений, ну удрали из СССР, подумаешь! Можно попытаться наладить связи с Союзом писателей, предлагать литераторам контракты.

– Наивная ты моя, – пробормотал Роб.

– Ладно-ладно, – сказала Ольга, – вероятно, это глупость, но попробовать стоит. Думаю, мы договоримся с советской стороной. В том же Париже много людей, которые мечтают публиковаться, но пишут в стол, не имеют пока имени, их не переводят на европейские языки, не хотят вкладывать в неизвестного человека деньги. Понимаешь?

– Как никто другой, – мрачно кивнул муж.

– Вот! – обрадовалась Ольга. – У нас много потенциальных авторов!

Роберту стало смешно. В отличие от малообразованной балерины и ее брата, собачьего парикмахера, он понимал: организация издательства – дело сложное, затратное, никогда им его не осилить, лучше даже не начинать. Но задувать их энтузиазм ему показалось неправильным. Волков решил повести разговор так, чтобы супруга сама сказала: «Да! Мы не справимся. Давай останемся в Париже».

– У нас получится! – сверкала глазами Олечка. – Ты поверишь в успех, и его к тебе притянет.

– Ну ладно, – снисходительно сказал Роберт, – типография есть, редакция тоже, авторы принесут рукописи. Их напечатают, а как книги продать?

– Боречка арендовал магазин, – ответила Оля, – мы начнем с малого, дадим рекламу в эмигрантских газетах, разложим листовки в ресторанах, магазинах. Это только кажется, что Брайтон на краю света, на самолете наши книги туда мигом доберутся, мы покорим сначала Европу, а потом Америку.

Роберт ощутил раздражение.

– Твой брат весьма активен. Все уладил, договорился, снял, ну и зачем ему ты?

– Деньги, – загадочно ответила Оля, – бизнес заводить недешево! Боре денег не хватит, я должна внести свои!

Волков поджал губы:

– Квартиру в Париже продавать нельзя! Мы станем клошарами[1 - Клошар – бомж в Париже. В столице Франции большинство бездомных предпочитает обитать под мостами, на Сене.], поселимся под мостом.

– Нет-нет, – замахала руками балерина, – я никогда не расстанусь с убежищем на Сен-Жермен.

– Ну и откуда тогда взять деньги? – устало спросил Роберт.

Оля хихикнула, подошла к старому комоду, выдвинула ящик, открыла второе дно, достала мешочек и высыпала из него золотые царские червонцы.

– Вот!

– ……! – вырвалось у Роберта. – Откуда они у тебя?

Жена села в кресло и по привычке изящно скрестила ноги.

– Мама перед смертью нам с Борькой оставила, честно разделила между детьми и велела бежать из СССР.

– Как же ты их вывезла? – только и смог спросить Роб.

Жена ткнула тонким пальчиком в потерявшего вид плюшевого мишку, который всегда сидел на ее кровати.

– Зашила монеты в его животик, потом распорола.

– Так просто? – поразился Роберт.

– Ага, – по-детски кивнула Ольга, – я мишутку держала в руках. Таможенник спросил: «Это что за зверь?» Я ответила: «Мамин подарок, память о детстве, не могу его бросить». Ну, мне и велели: «Идите в самолет».

– Ты страшно рисковала! – запоздало испугался Роберт. – А что, если б на границе распороли игрушку, нашли золото? Знаешь, что делают с людьми,

которые пытались из СССР драгметаллы вывезти? Гнить бы тебе в лагере до конца жизни.

– Но ведь прокатило! – воскликнула Оля.

– Нет слов, – разозлился Волков, – а Борис? Как он на это согласился? Что, тоже игрушку нес? И какую «реликвию детства» он вывозил? Самосвал или пожарную машину?

– Нет, – серьезно ответила Оля, – все золото хранилось в моем мишеньке.

– Истинный джентльмен, – язвительно заметил Волков, – предоставил сестре рисковать.

Всегда веселая, неконфликтная, совсем не скандальная Олечка покраснела и затопала ногами:

– Не смей ругать Борю! Ты его не знаешь! Он лучший на свете! Он не хотел зашивать червонцы в игрушку! Я знала, что меня не тронут!

Пораженный реакцией жены на его замечание, Волков сказал:

– Ладно, ладно, извини. Мне стало страшно, когда я вообразил, какая тебя могла ждать судьба.

Ольга села в кресло.

– Я всегда чую опасность! Мне накануне вылета сон приснился: я видела, как спокойно иду в авиалайнер, без проблем миновав контроль!

Волков крякнул.

– Могу предположить, что ни таможеннику, ни пограничникам не пришло в голову проверить медведя по одной причине. Они и помыслить не могли, что кто-то открыто понесет под мышкой плюшевого урода, нафаршированного золотом.

– У нас есть деньги! – перебила его Ольга. – Мы с Боречкой поклялись, что не профукаем мамино наследство по пустякам, залезем в запас лишь по особому случаю, и он настал! Сейчас или никогда!

Роб заерзал на диване.

– А зачем вам я? Какова моя роль в проекте? Я не обладаю ни связями, ни капиталом!

Олечка кинулась к мужу:.

– Милый! Ты главный! Без тебя проект умрет. Я умею танцевать, Боренька чудесно ладит даже со злобными собаками. Но в литературе мы профаны! Нужен главный редактор! Мозг издательства! Его сердце!

– Печень, желудок и прямая кишка, – усмехнулся Роберт. – Мы затеваем дичайшую авантюру. Три человека, ничего не смыслящие в бизнесе, решили захватить книжный рынок.

– Если не купить лотерейный билет, то и не выиграешь! – ответила Оля.

– Ладно, – согласился Роб, – я готов съездить в Швайнебург на разведку.

– Бургштайн, – сердито поправила Оля, – тебе там понравится.

На вокзале супругов встретил надсадно кашляющий Борис. Он прикатил на машине, почти ровеснице египетских пирамид, его особняк оказался крошечным домиком с двумя малюсенькими спальнями. На ужин хозяин подал тушеную капусту и посетовал на дороговизну сосисок. С каждой минутой настроение у Роба становилось все гаже и гаже, а Оля, наоборот, делалась все веселее.

– Что у твоего брата со здоровьем? – мрачно спросил Роб, когда они с женой остались с глазу на глаз в душной, но парадоксально холодной комнатушке.

– Ерунда, – отмахнулась Оля, – простудился. Не на что было купить зимнее пальто, когда сюда приехал. Боря перенес двустороннее воспаление легких, чуть не умер, но выздоровел, осталось лишь небольшое покашливание. Повезло

ему.

– Да уж! – буркнул Роберт. – Сказочное везение.

– Конечно, – подтвердила Оля, – Боренька будет жить долго, кашель ему не мешает.

Волков отвернулся к окну и прижался лбом к стеклу. Как назло, в Бургштайне лил дождь, тушеная капуста вызвала изжогу, спальня с узкой кроватью казалась ему тюремной камерой. Борис выглядел убогим нищим, будущая жизнь представлялась отвратительной. К глазам Роба подступили слезы, и в этот момент жена обняла его и сказала:

– Милый, через десять лет мы на собственной яхте поплывем по океану, а в Бургштайне появится издательство, которое утрет всем нос. Надо верить в успех, и он непременно придет.

Яхтой Роберт с Ольгой так и не обзавелись, но не потому, что на плавсредство не хватило денег, а из-за морской болезни бывшей балерины. Это был единственный пункт Ольгиного плана, который остался невыполненным. Бедную женщину начинало тошнить, едва она вступала на палубу, поэтому про яхту пришлось забыть. Зато у Волковых теперь есть просторный особняк и красивый сад. В гараже стоят дорогие машины. Издательство «Роб» процветает. Нынче оно специализируется не только на литературе для эмигрантов из России, но и выпускает большое количество книг на разных языках, научных трудов, словарей, справочников, календарей.

Некогда купленная у Штиха типография превратилась в музей, а неподалеку от Бургштайна возник современный полиграфический комплекс, где работает почти все население разросшегося города. Большие оклады, социальный пакет, оплачиваемые отпуска, бесплатная медицинская помощь, детский сад. Сотрудники «Роба» пользуются многими привилегиями, количество желающих работать в издательстве и типографии превышает число вакансий. Роберт, ставший главой концерна, исповедует одно правило: эмигранту из России он работу находит всегда. Любой человек, постучавший в дом Волковых со словами: «Я прибыл из Москвы, у меня тяжелое материальное положение», моментально получает помощь.

Всех российских деятелей культуры от звезд до никому не известных, начинающих авторов, живших в особняке Волковых, невозможно вспомнить. В Бургштайне есть отличная гостиница, но ни один писатель из России там не останавливается, он гостит у Роберта, Оли и Бориса. Ярмарки книг, фестиваль поэзии, театральные представления по произведениям русских классиков – все это «Роб» организует, всячески пропагандируя литературу бывшего Отечества.

В этом году Оле исполнилось пятьдесят восемь лет. Роб чуть старше жены, Борис недавно отметил шестидесятилетний юбилей. Но не зря считается, что добрые дела молодят человека. Владельцы «Роба» выглядят максимум лет на сорок, они активны, занимаются спортом, не жалуются на здоровье и полны творческих планов. Правда, Боря по-прежнему покашливает, но это не мешает ему водить автомобиль, скакать на лошади по кличке Марта и работать от восхода до заката.

Бургштайн незаметно превратился в центр российской эмиграции, а местное население поголовно освоило язык Пушкина. В любом учреждении, магазине или кафе найдется служащий, который с легким акцентом произнесет на русском:

– Здравствуйте! Чем могу служить?

Едва я приехала в Бургштайн, как меня окружили такой любовью, что я даже растерялась. Иначе, чем «Вилка-великая», Олечка меня не называет, причем ее слова звучат абсолютно искренне: она на самом деле считает меня гениальной. Сначала я ежилась, пыталась углядеть подковырку или шутку в ее словах, но потом до меня дошло: в Европе практически отсутствует снобизм. В России автора криминальных романов считают треш-литератором, а того, кто его читает, – малообразованным идиотом. Люди не хотят открыто признаваться в любви к детективам Смоляковой, а сами писатели развлекательного жанра мнутся, услышав от журналистов вопрос:

– Вам не стыдно портить вкус читателей своими поделками?

Но стоит пересечь границу России, как попадаешь в иное измерение, где человек спокойно признается:

– Еду на курорт, накупил покетбуков с револьверами на обложках.

Западные журналисты понимают, что в литературе есть разные жанры, и ни одному не приклеивают эпитета «низкий». Мне непонятно, почему в России сложилась обратная ситуация? Может, наша пресса слишком завистлива? Несмотря на то что все читают исключительно Пушкина, тиражи у российских писателей криминальной литературы высокие. Смолякова давно обогнала Александра Сергеевича по количеству проданных за год книг.

Не стану больше размышлять о судьбе российской литературы. Для этого есть специально обученные люди. Лучше расскажу, где сейчас нахожусь.

Ярмарка в Бургштайне вчера закрылась, я подписала книги фанатам и раздала интервью. Накануне я сделала красивую укладку, выбрала платье, дополнила его скромными, но вполне достойными украшениями, а потом решила показаться во всей красе перед Олей, спросить у нее, хорошо ли буду выглядеть.

При полном параде я спустилась в огромную гостиную и увидела двух мужчин в белых комбинезонах. Они устанавливали в центре комнаты вечнозеленое дерево.

– Елка! – удивилась я.

– Скоро праздник, – напомнил один из рабочих. – Ольга всегда устанавливает ель за пять суток до торжества.

Я посмотрела на календарь, стоявший в серебряной рамке на белом фортепьяно.

– Но завтра девятнадцатое декабря! До тридцать первого уйма времени.

Мужчины улыбнулись.

– Рождество двадцать пятого, – произнес один.

– Вообще-то Волковы его два раза отмечают, – уточнил второй, – по европейскому календарю, затем нашенское, седьмого января, ну и Новый год соответственно.

– Отлично мы устроились, – перебил первый мужчина, – получаем много подарков. В Европе последний день года почти не отмечают, для них главное, когда Иисус на свет появился. Но Ольга всем по четыре сувенира готовит.

– Хорошо получать презенты, – согласился другой, – пустячок, а приятно. Уж извините, мы тут пошумим недолго.

В глубокой задумчивости я покинула гостиную. Собираясь в Бургштайн, я начисто забыла про Рождество. Обратный билет у меня куплен на утро тридцать первого декабря, я рассчитывала вернуться около семи вечера домой и достать из чемодана сувениры, приобретенные за границей. Но не вспомнила про католическое Рождество! Двадцать пятого декабря Оля, Роберт, Борис и, наверное, многочисленные гости соберутся у переливающейся разноцветными огоньками ели. Руку на отсечение даю, радушная хозяйка приготовила мне сюрприз. Правила приличия требуют сделать ответный подарок. Остается один выход: приобрести в Бургштайне сувенир и выдать его за привезенный из Москвы.

Я повеселела и пошла искать Раису – экономку Волковых. Она на кухне старательно терла мягкой тряпочкой салатницу.

– Вы сами чистите столовое серебро? – удивилась я. – В доме же есть горничная.

Раиса отложила в сторону полировочное средство.

– Оно верно, – вздохнула она, – но разве сейчас найдешь хорошую прислугу? Я Олечке постоянно жужжу: «Ну давайте пригласим тайку. Они тихие, очень аккуратные, исполнительные. Все, у кого азиатки служат, нарадоваться на них не могут». Но она отвечает: «Рая, ты мою позицию знаешь. Главное, обеспечить работой российских девушек!» Хотите чаю?

Экономка встала и, не дожидаясь моего ответа, пошла к шкафчику с посудой. Говорить при этом она не переставала:

– К сожалению, у наших девочек свои планы. Никто не нанимается на длительный срок. Придут в дом, поработают несколько месяцев и ну петь: «Ольга Сергеевна, мы учиться хотим, не желаем всю жизнь с тряпкой бегать». Красиво получается! Прикатили, отъелись, приоделись за хозяйский счет,

знакомства завели, и адью. Олечка – добрая душа, всем помогает. Тьфу! Серебро я никому чистить не доверю, поцарапают, помнут!

Я решила перевести беседу на интересующую меня тему:

– Раечка, есть ли в Бургштайне магазин, где торгуют сувенирами из России?

– Матрешки, оренбургские платки, вологодские кружева, шкатулки из Палеха, жостовские подносы? – спросила Рая.

Я кивнула.

– Здесь этого добра навалом, – протянула экономка, – в южной части Бургштайна есть Рашен-авеню, там на каждом углу гжель, деревянные игрушки, значки, ушанки – а зачем это вам?

– Хочу сувенир купить, – призналась я.

Глава 3

Раечка засмеялась:

– Вот уж всем глупостям глупость. – В ту же секунду она спохватилась: – То есть я хотела сказать, нет ни малейшего смысла покупать здесь российский товар!

Я смутилась:

– Вы меня неправильно поняли, я хочу приобрести Оле подарок на Рождество.

Рая выслушала мой сбивчивый рассказ, поправила идеальную прическу и сказала:

– Виолочка, разрешите дать вам совет?

– С удовольствием выслушаю, – кивнула я.

Экономка указала на дверь.

– Там, в самом конце коридора, есть комната, Олечка называет ее музеем. Хозяйка велит складывать туда сувениры из России. Можете полюбопытствовать. Оля очень щепетильна, никогда не выбросит даже поломанной деревянной ложки, если получила ее в дар. Пойдемте покажу, как она все устроила.

Я покорно последовала за Раисой и очутилась в просторном, почти пятидесятиметровом зале со стеклянными витринами и стеллажами. Идея обрадовать Ольгу матрешкой перестала казаться мне привлекательной, примитивных кукол здесь было несметное множество. А еще тут оказалось много изделий из Гжели, преимущественно сахарниц, горели золотом деревянные хохломские поделки, лакированные ложки, на полках в ряд выстроилось штук двадцать томов «Сокровища Московского Кремля», висели варежки с цветочным узором, павловопосадские платки. В углу скалило зубы чучело медведя в кепке. Каждый экспонат снабжался табличкой с надписью: «Дар нашего гостя из России», далее шли имя, отчество и фамилия.

– Супер, – вырвалось у меня, – не хватает лишь селедки и черного хлеба с кислой капустой.

– Привозят, – кивнула Рая, – но продукты приходится съедать, их не сохранишь. Ну и подумайте, зачем Олечке еще одна деревянная расписная игрушка?

– Незачем, – грустно согласилась я, – но ведь неудобно прийти на Рождество с пустыми руками.

Раиса подняла брови.

– Есть один вариант. Олечка обожает бургштайнскую коврижку, ее пекут исключительно к Рождеству, только раз в году.

– Куплю ее в местном супермаркете, – обрадовалась я, – не особенно дорогое кондитерское изделие.

– Фу! – скривилась Раиса. – Это для приезжих. Наивные туристы охотно хватают ерунду, они не знают, что выпечка из супермаркета похожа на настоящую рождественскую коврижку, как бабочка на носорога. У каждой хозяйки Бургштайна свой рецепт, он передается из поколения в поколение, ну а те, кто недавно приехал, стараются не ударить в грязь лицом, ищут в старинных книгах состав лакомства. Двадцать четвертого декабря на главной площади пройдет фестиваль, где выберут главную коврижку города. Все хозяйки соберутся, владельцы пекарен, они принесут свои изделия. Так вот! Если вы вручите Оле собственноручно изготовленное праздничное угощение, это будет фурор! Хозяйка обожает сладкое, и в Бургштайне очень ценится хэндмейд! Конечно, можно купить шкатулку, но если вы сами придумаете дизайн, распишете деревянное изделие, вот это поставят в гостиной и будут хвастаться перед гостями: «Гляньте, какое чудо Виола сварганила». А уж коврижка и вовсе потрясет Олю.

– Странно, – пожала я плечами.

– Если учитывать местные реалии, то нет, – возразила Раечка, – в Бургштайне можно купить все. Зашли в лавку, приобрели платок, сумку, шаль, ежедневник, велели празднично запаковать, отдали деньги и ушли. А вот если вы сами постарались, потратили свое время, оно тут намного больше ценится, чем банальные евро. Хэндмейд словно говорит: «Очень хотела вам удовольствие доставить, старалась изо всех сил». Я понятно выражаюсь?

– Более чем, – кивнула я, – идея с коврижкой замечательная, но есть одна сложность: я отвратительно готовлю, печь вообще не умею, рецептов не знаю.

Раиса улыбнулась:

– Так и быть! Покажу вам свою заветную тетрадочку! Сегодня вечером после работы отведу вас к себе, и мы вместе испечем фестброд. Так в Бургштайне называют рождественское угощение, дословный перевод…

– Праздничный хлеб, – щегольнула я эрудицией.

– Договорились! – шлепнула ладонью по столу Рая.

– Право, мне неудобно, – смутилась я, – он засохнет до Рождества, и получается, что подарок приготовили вы.

– Фестброд лежит месяц и не теряет свежести, я вам помогать особенно не намерена, объясню последовательность действий, а уж дальше вы сами, – возразила Рая.

– Надо продукты купить! – озаботилась я.

– С этим проблем нет, – успокоила меня экономка, – заедем в супермаркет.

– Огромное спасибо, – принялась я благодарить Раису, – вы меня выручили.

Экономка подала мне чашку.

– Виола, я ваша страстная поклонница. Прочитала все изданные в России книги и очень рада, что они появятся в Европе в красивом оформлении, на хорошей бумаге. Извините за прямоту, но в Москве вас печатают как макулатуру, а Олечка и Роберт с Борисом тщательнейшим образом пекутся о внешнем виде изданий. Я польщена, что могу оказать пустяковую услугу обожаемой писательнице.

Я отхлебнула изумительно вкусный чай с ароматом ванили. Как хорошо, что в доме издателя обнаружилась преданная поклонница Арины Виоловой! Я вначале удивилась, ну почему экономка решила потратить на гостью из России свое свободное время, но теперь все поняла.

Когда мы, нагруженные пакетами, подошли к крохотному зданию с голубыми ставнями, на которых были вырезаны сердечки, я не удержалась от возгласа:

– Какая красота! Напоминает пряничный домик, куда случайно забрели герои сказок Гензель и Гретель!

Раиса поставила сумки на маленький столик, расположенный прямо у двери.

– Ну, в том пряничном домике обитала злая ведьма!

Я прикусила язык, а Раиса рассмеялась:

– У вас такое несчастное лицо!

– Вроде глупость сказала, – вздохнула я, – извините, совсем забыла про колдунью.

Рая вынула из сумки ключи.

– Виола, придется вам кое-что рассказать. У меня есть муж, Анатолий, он немного странный, живет так, как хочет.

– Многие мужчины ведут себя соответственно с личными желаниями, – осторожно сказала я, – женщины вынуждены вести домашнее хозяйство, воспитывать детей, а сильный пол часто манкирует своими обязанностями.

Рая облокотилась о столик.

– Толя математик. У него есть только одна страсть – решать уравнения.

– Хорошо, когда супруг увлечен делом, – нашлась я.

Экономка вздохнула.

– Оно верно, но у Толи есть одна особенность. Он никогда не выходит на улицу. Что происходит вне дома, его не интересует. А если к нам заглядывают посторонние, Анатолий носа из своей комнаты не высунет!

– Кем он работает? – спросила я.

Глаза Раи забегали из стороны в сторону.

– Толик решает некую задачу. Когда успешно завершит вычисления, получит миллион долларов.

– Вы шутите? – улыбнулась я.

Но Раиса была серьезна, как пограничный столб.

– Эта сумма обещана ученому, который справится с решением. Толя невероятно талантлив, но, как у всякого великого человека, у него есть заморочки. Газеты недавно сообщали о российском математике Григории Перельмане, который, как и Толик, работал над задачей, получил верный ответ, но не захотел взять положенное вознаграждение. Перельман живет в тесной квартирке вместе с мамой, скудно питается, но его абсолютно не интересует золотой телец. Полагаю, он родной брат Толи. Тот бы тоже наплевал на миллион. Но есть я, страшная жадина, мне богатство не помешает, в чем честно и признаюсь. Зачем я вам это рассказала? Все наши знакомые в курсе привычек Толи, никто не удивляется, что он прячется от чужих взоров. Иногда у Анатолия бывает плохое настроение, связано это с напряженной работой. Муж может злиться, кричать, но, поверьте, к вам его слова ни малейшего отношения не имеют! Он ведь вас даже не знает. Поэтому не обижайтесь, если услышите нечто неприятное. Толя большой ребенок, но гениальный.

Завершив тираду, Рая открыла дверь, мы прошли на кухню и начали священнодействовать над коврижкой. В крохотном домике стояла тишина, даже часы тикали беззвучно.

– У вас есть кошки или собаки? – завела я пустой разговор.

– У Толи аллергия на шерсть, – ответила Рая.

Я украдкой оглядела место, где она готовит пищу. Очень похоже, что жизнь семьи крутится вокруг мужа. На холодильник при помощи магнита было прикреплено объявление «Лекарства для Толи. Кондор – утром; Флорбистол – днем; Романол – вечером». На столе в железной подставке хранилась бутылка, на ее этикетке я прочла надпись, сделанную красным маркером: «Бальзам для Толи». А когда я перед готовкой заглянула в идеально чистую ванную, чтобы помыть руки, то наткнулась на крючки с надписью «Толя», на трех висело по махровому полотенцу, остальные были заняты новыми халатами, теплым, из тонкой махры, и шелковым, зеленым в серую клетку. На стене на уровне глаз висело дацзыбао: «Толя! Весы»! Жирная красная стрелка указывала вниз, где на полу находился темно-синий аппарат с окошком, в котором виднелась цифра 0.

Когда форма с тестом была засунута в духовку, Рая удовлетворенно крякнула и проронила:

– Мы сделали большое дело, нужно себя вознаградить. Как насчет кофейку с капелькой шерри и шоколадными конфетами из Брюсселя?

Я тут же вспомнила, что бельгийский шоколад самый дорогой в мире, и воскликнула:

– Спасибо, лучше один кофе.

– Не любишь сладкое? – усмехнулась экономка, с которой мы в процессе создания кондитерского шедевра успели перейти на «ты».

– Да, – лихо соврала я.

Раиса засмеялась:

– Вилка, ты очень напоминаешь меня саму в молодости. Знай, повышенная деликатность сильно осложняет жизнь. Не стоит стараться быть удобной для окружающих. В гостях надо всегда охотно есть то, что предлагают, даже если хозяева открывают новую коробку конфет. Знаешь, почему? Если хозяйка добрая, ей приятно, а если жадная и угощает только из желания произвести хорошее впечатление, то так скряге и надо! Слопай всю!

Я улыбнулась:

– Отличная идея, но, боюсь, больше трех шоколадок во мне не уместится!

– Не говори «гоп», пока не перескочишь, – пропела Рая, – сейчас принесу шоколад, я держу его в холодной кладовой.

Хозяйка ушла, а через пару секунд из глубины коридора донесся скрипучий, недовольный мужской голос:

– Чай! Принеси чаю! Немедленно!

Вернувшаяся на кухню Раиса попыталась уговорить Анатолия немного подождать, но тот перешел на крик, и хозяйка, извинившись, стала готовить мужу трапезу. Я молча наблюдала за ее отработанными движениями. Рая постелила на серебряный поднос полотняную салфетку, поставила на нее чайник с заваркой, фарфоровую чашку с блюдцем, сахарницу, тарелку с бутербродами, плошку с медом и осторожно понесла все это к двери.

Я осталась на кухне одна. Из коридора опять донесся дребезжащий баритон математика:

– Сколько раз напоминать! Где моя махровая салфетка? А?

– Прости, дорогой, забыла, – ответила Раиса, – сейчас принесу из чулана.

– Это неуважение! – заявил Анатолий.

– Уже бегу, – попыталась купировать скандал Рая.

Но Анатолий не унимался:

– Всякий раз одно и то же! Без махровой салфетки!

– Уже бегу, милый, – заверила Раиса.

– Синего цвета! – напомнил Анатолий. – Не красного! …!

Площадная брань резанула мне ухо.

– Да-да, конечно, – воскликнула Раиса и, видимо, ушла. Стало тихо, затем раздался крик:

– …! …! Куда прешь, идиотка!

– Прости, милый! – ответила Рая, и опять наступила тишина.

Очевидно, Анатолий помиловал супругу, потому что перестал к ней придираться. Я мысленно пожалела Раису. Семейная жизнь – дело непростое, а уж существование с гением просто невыносимо. Математик – откровенный эгоист и грубиян. Мало того, что шпыняет жену, словно прислугу, так еще и требует салфетки определенного цвета. Интересно, как бы я поступила, заведи Юра подобные речи? Ну, наверное, первый раз напоила бы его чаем, но на второй сказала бы: «Гениальность не оправдывает эгоизм, придется тебе топать на кухню и самому наливать себе чай. Мне, кстати, тоже можешь сделать кружечку!»

Ну по какой причине некоторые женщины отдаются в добровольное рабство мужчине? Анатолий великий математик? Но, простите, кто об этом знает, кроме супруги? Ученый еще не решил задачу, он пока с ней сражается, и неизвестно, кто победит – Анатолий или уравнение. Этак и я могу объявить себя эпохальной писательницей, сесть в уютном кабинете и гонять Шумакова на кухню за сладкими пирожками, злясь и бурча ему в спину: «Эй, пошевеливайся. Я работаю над великой книгой, которая перевернет весь мир».

Поосторожней надо с подобными заявлениями, еще неизвестно, что или кто перевернется, когда опус попадет на прилавки. И не факт, что роман будет написан. Всякий раз, когда я слышу фразу: «Я далек от всего материального, не хожу на службу, ежедневная работа отупляет, обдумываю философское произведение, которое даст человечеству ответы на все вопросы», – мне хочется поинтересоваться: «А кто вас кормит? Одевает? Оплачивает коммунальные услуги?»

Никто из тех, кто объявил себя гением, не ходит босым, голым или голодным. Наоборот, самопровозглашенные гении, как правило, вполне упитанные.

В кухню вплыл терпкий запах дорогого мужского одеколона. Я невольно чихнула, подняла глаза и увидела на пороге невысокого коренастого человека, одетого самым нелепым образом. На незнакомце было черное пальто из качественного кашемира. Воротник поднят, шею обвивал темно-серый шарф. Чуть более длинные, чем надо, брюки внизу собрались складками, которые падали на тупоносые ботинки с высокой платформой. На голове торчала дурацкая шерстяная бордовая шапочка, из-под нее выбивались длинные, чуть вьющиеся, поседевшие волосы. Мужчина явно не был частым посетителем парикмахерской или пытался походить на Эйнштейна, который, судя по известным фотографиям, предпочитал такую же прическу. Только у физика

волосы были откинуты назад, а у этого типа густая челка опускалась до оправы больших, слегка затемненных очков. Подбородок незнакомец прятал в кашне, я не смогла в деталях рассмотреть его лицо. Руки странного типа украшали ярко-голубые перчатки. Поверьте, редко встретишь на улице человека, одетого столь нелепым образом. Пальто было ему велико, плечи свисали, а длинный шарф походил на скрученную простыню, шапочка могла бы хорошо смотреться на подростке, который катается на сноуборде, на седых волосах она выглядела диковато. Ботинки на карикатурно толстой подошве буквально кричали о комплексе неполноценности, а голубые перчатки вызывали недоумение. Вроде человек, облаченный в черное, не должен выделяться из толпы. Но этот индивидуум ухитрился достичь эффекта, о котором мечтают некоторые женщины: его было невозможно не заметить.

Я моргнула, опомнилась и сказала:

– Здравствуйте.

Дядька вздрогнул, развернулся и быстро убежал. Мне оставалось лишь удивляться: кто же он такой и как попал в дом? Отлично помню, что Раиса тщательно заперла дверь, когда мы с ней вошли в прихожую. Может, у мужчины имелся ключ? Или здесь есть черный ход?

Глава 4

Отсутствие Раисы затянулось. Я спокойно ждала ее, но, когда из духовки интенсивно запахло выпечкой, забеспокоилась. Ну куда могла подеваться хозяйка? Возможно, ее муж требует, чтобы его поили из ложечки? Скоро Рая вернется, не могла же она забыть про коврижку и гостью?

Я взглянула на большие бело-красные часы, висевшие в простенке между окнами, и забеспокоилась. Раиса отсутствует сорок минут. За это время можно было завершить чайную церемонию, даже если заботливая жена закапывает муженьку заварку через нос при помощи малюсенькой пипетки.

Я встала, подошла к двери и, поколебавшись чуть-чуть, вышла в узкий коридор, украшенный книжными полками. Библиотека семьи состояла из классической русской литературы, все тома в богатых переплетах, ни одного дешевого издания. Неприлично бродить без разрешения по квартире малознакомого человека, но меня извиняло беспокойство, которое становилось все более сильным.

По ногам, обутым в пластиковые тапки, пробежала волна холодного воздуха, я удивилась. Откуда сквозняк? По идее, в узком извилистом коридоре его быть не должно, здесь отсутствуют окна и двери. Но коридор делает небольшой поворот. Наверное, во второй, скрытой от моих глаз части находятся комнаты математика и его жены, а в них распахнуты форточки.

Ногам стало совсем холодно.

– Раечка, – крикнула я. – Рая! Простите, у вас все в порядке?

Никакого ответа.

– Раиса, тебе помочь? – надрывалась я.

Опять полнейшая тишина.

Я растерялась. Стоит ли идти дальше? Вдруг у Раисы с мужем есть некие интимные привычки? Возможно, они обожают предаваться любви после того, как математик поест бутербродов. Вам мое предположение кажется абсурдным? Но если мужчина эгоист, причем принадлежит к самой неприятной разновидности «себялюб-грубиян», то он не постесняется потребовать от супруги исполнения интимных обязанностей, даже если она скажет: «Дорогой, на кухне сидит гостья, а в духовке печется коврижка».

Плевать избалованному индивидууму и на гостью, и на пирог. И то, что супругам уже по полтиннику, ни о чем не говорит. Большинство тех, кого молодежь презрительно именует «неандерталами», ведут активную сексуальную жизнь.

До моего слуха донесся тихий скрип и легкий стук.

– Кто там? – подпрыгнула я и пошла на звук.

Ноги привели меня в крохотный холл-прихожую, я увидела вешалку с верхней одеждой, аккуратно расставленную уличную обувь и чуть приоткрытую входную дверь. Сердце екнуло. Я ведь упоминала о том, что экономка тщательно заперла замок, когда мы вошли в «пряничный домик».

Я развернулась и, выкрикивая на разные лады: «Раечка!» – побежала по коридору.

Первая по ходу комната была спальней с узкой кроватью, застеленной бежевым покрывалом. На тумбочке лежали книги из серии «Жизнь замечательных людей». Торшер с розовым абажуром, на полу ковер цвета спелого персика. Явно спальня Раисы, но ее здесь нет.

Следующее помещение оказалось кабинетом Анатолия. Я замерла на пороге, потрясенная полнейшим беспорядком. На фоне вылизанной до блеска кухни-гостиной, ванной, напоминающей чистотой операционную, и опочивальни хозяйки кабинет ученого казался захламленной норой. Большой письменный стол завален кипами книг с закладками, бумажками, исчерканными ручкой, блокнотами, брошюрами, скрепками, карандашами, на полу валялись листки с формулами, у двух стен громоздились шкафы, набитые научной литературой. Около окна стоял на тумбе телефон. На стене – грифельная доска, тряпка и кусок мела.

Я сделала шаг и замерла.

Около черного кожаного дивана на полу валялся поднос, чуть поодаль – чайник, чашка с блюдцем, далее я увидела кучку просыпанного сахара с темным пятном от пролитой заварки. Слева лежало тело в тапочках и шерстяном платье.

Это была Рая. Оцепенение прошло, я кинулась к ней.

– Раечка, тебе плохо?

Женщина застонала и попыталась сесть.

– Что случилось? – бестолково суетилась я. – Надо вызвать врача!

– Врача? – переспросила Рая. – Кого?

– Доктора, – уточнила я. – «Скорую помощь»! У тебя голова закружилась? Может, давление подскочило?

– Давление? – эхом откликнулась Рая. – Сто семьдесят на девяносто. Вы терапевт? А где Анна Ильинична? Почему она не приехала? Мои таблетки закончились, я хотела пойти в аптеку, но времени не было.

– Ты не принимала лекарство от давления! – осенило меня. – Сто семьдесят на девяносто – это довольно высокая цифра!

– Кто вы? – заморгала Раиса.

Я опешила.

– Виола Тараканова.

– А куда подевалась Анна Ильинична? – прошептала Рая и закрыла глаза. – Вы можете сделать мне укол? Анна Ильинична что-то вводит в вену, и голова перестает болеть.

Мне стало страшно.

– Раечка, ты меня не помнишь?

Серо-голубые глаза хозяйки округлились.

– Простите, нет. Вероятно, вы пришли к Олечке? У нее много гостей бывает.

Вместо того чтобы броситься к телефону и звать на помощь медиков, я повела себя по-идиотски, решив объясниться:

– Раечка, я писательница Арина Виолова, приехала из Москвы на ярмарку. Мы с тобой печем рождественскую коврижку для Ольги Сергеевны. Ты поставила форму в духовку и пошла поить мужа чаем.

– Мужа? – вздрогнула Раиса. – Мужа? Чьего?

– Твоего! – уточнила я.

– Голова кружится, – прошептала Рая. – Тошнит, скорее, где тут туалет? Пожалуйста, покажите дорогу. Никак не пойму, как я тут очутилась?

Я решила не водить Раю по дому, сбегала на кухню, принесла эмалированную миску, поставила около нее и позвонила Оле.

Надо отдать должное Оленьке, она не ахала, задавая массу лишних вопросов, а действовала. Меньше чем через пятнадцать минут в дом экономки приехала «Скорая помощь». Раю положили на носилки и понесли к машине. Бургштайн довольно большой город, но Ольга, приехавшая следом за медиками, обратилась к ним по именам: похоже, она хорошо знала врачей.

– Володя, Егор, можете сказать, что с Раисой?

Один из докторов покачал головой:

– Извините, Ольга Сергеевна, сразу не отвечу. Давление высоковато, понаблюдаем некоторое время, проведем обследование, она могла сильно удариться, когда падала, не исключено сотрясение мозга.

– Да вы не волнуйтесь, – перебил коллегу второй врач, а потом, помолчав, произнес фразу, которую я ни разу не слышала от медиков в России: – Она непременно поправится, все будет хорошо.

– Твоими бы устами, Егор, да мед пить, – пробормотала Оля. – Рая меня не узнала, приняла за Анну Ильиничну. Это инсульт?

– Речь не нарушена, – не терял оптимизма Егор, – а заговариваться можно по разным причинам. Допустим, Раиса перенесла стресс!

Владимир исподлобья взглянул на коллегу, тот смутился и сказал:

– Ну да, я, конечно, не имею диплома, работаю у Владимира Михайловича на подхвате, но насмотрелся всякого. Не переживайте, Ольга Сергеевна!

Владимир шумно вздохнул, но не произнес ни слова.

– Может, она с мужем поругалась? – предположил Егор. – Иногда близкие так допекут, что в глазах темнеет.

Владимир, по-прежнему молча, сел около шофера, Егор пристроился сбоку от носилок, на которых лежала Раиса. Машина, включив мигалку, коротко взвыла и полетела по улице.

– Анатолий! – воскликнула Оля. – Где он?

– Не знаю, – растерянно ответила я, – похоже, его дома нет.

– Не может быть, – возразила Ольга, – надо внимательно осмотреть коттедж! Анатолий где-то тут!

– Он не вышел, когда за женой приехала «Скорая», – напомнила я.

– Нет-нет, он здесь, просто спрятался от посторонних, – нервно произнесла Оля. – Давайте как следует обыщем дом. Чем это пахнет?

– Коврижка! – вспомнила я и кинулась на кухню.

Когда форма с обгорелым содержимым очутилась на столе, мы стали методично обходить пряничный домик и в конце концов поняли: Анатолия здесь нет.

– Он ушел, – убежденно сказала я.

– Это невозможно! – решительно отвергла мое предположение Волкова.

– Но почему? – пожала я плечами.

Оля указала на окно.

– Мира там, за стеклом, для Анатолия не существует. Рая без ума от мужа, несмотря на то что они прожили в браке много лет. Толя, по словам супруги, великий, гениальный ученый всех времен и народов, Пифагор, Эйнштейн, ну кто там еще есть? Я не сильна в математике.

– Я тоже не знаю великих имен в этой области, – пробормотала я.

– Солнце меркнет перед величием Толи, по мнению Раи, – без тени улыбки продолжала Оля. – Надо отдать ей должное, она никогда первая не заводит беседу о супруге, но если вы ее, не дай бог, спросили о нем, то услышите вдохновенный спич про его поразительный талант, нечеловеческую работоспособность, красоту и потрясающее чувство юмора. Рая тоскует по Москве, у нее там была хорошая квартира, любимая работа, друзья. Между нами говоря, Потапова не имела желания эмигрировать. Понимаете, у каждого, кто покинул Россию, была на это веская причина. Одним казалось, что на Западе будет больше возможностей для творчества, других привлекало изобилие магазинов, третьим хотелось заработать много денег. Они наивно полагали, что улицы Парижа, Берлина, Вены, Мадрида вымощены золотом, нужно лишь нагнуться, и вот оно, богатство. То, что в другой стране придется пахать до кровавого пота, зарабатывая очки заново, в голову бывшим россиянам как-то не приходило. Поверьте, я наслушалась множество историй о мужчинах, которые привозили во Францию свои семьи и, потирая руки, говорили:

– Ну вот сейчас продам кольцо бабушки и открою семейный ресторан. Здесь не Россия! Взяток давать не надо, все по-честному.

Опустим тот факт, что жадные чиновники есть везде, признаем, в Европе меньше коррупции и больше порядка в сфере мелкого бизнеса. И что получается? Ресторан открыт, средства вложены, вывешено меню: борщ, пельмени, салат «Оливье», котлеты, пироги с капустой. Спустя год заведение закрывается, а его хозяин сидит у меня в гостиной и недоумевает:

– Не понимаю, почему ко мне народ не шел? В Москве на пельмени жены и кулебяки тещи прибегало полгорода. В Париже мои бабы старались изо всех сил,

себя превзошли, а французы мимо идут!

Как объяснить горе-ресторатору, что во Франции пельмени не в ходу? Вернее, равиоли с ягнятиной едят охотно, но они, несмотря на кажущееся сходство, совсем не пельмени!

Оля горестно вздохнула и добавила:

– Рая была всем в Москве довольна.

– Как же она в Бургштайне очутилась? – задала я сам собой напрашивающийся вопрос.

– Анатолия зажимали в институте, где он числился преподавателем, – пояснила Оля, – ректор заставлял его читать студентам лекции, писать методические пособия, проводить семинары, короче говоря…

– Работать, – подсказала я.

– Верно, – согласилась Оля. – Толя же хотел заниматься исключительно вычислениями. Какая-то «добрая душа» нашептала ему, что за кордоном много меценатов, которые спят и видят, как бы поддержать величайшего ученого. Насколько я поняла из случайно брошенных Раисой фраз, идея улизнуть из Москвы принадлежала мужу, а претворять ее в жизнь пришлось жене. Рая нахлебалась всякого, прежде чем очутилась в Бургштайне. Она человек кристальной честности, уникальной работоспособности, ей никогда не надо ни о чем напоминать. Рая не манкирует своими обязанностями, выполняет их безукоризненно. Да, она не пользуется особой любовью у горничной и садовника, потому что требует от них столько же, сколько от себя. Месяца не проходит, чтобы домработница не поймала меня в доме и не заявила: «Ольга Сергеевна, ну я же не терминатор! Раиса Николаевна не дает присесть, велит ручки у дверей начищать, из резьбы буфета ватной палочкой пыль выскребать, а белье приказывает на весу отпаривать!»

Я спрашиваю: «Раиса пьет чай с пряниками, а вас кнутом на пашне хлещет? Или она сама день-деньской землю роет? На работе работают, чай пьют в определенное время, а еще у вас есть обеденный перерыв и выходной. Если служба кажется излишне напряженной, стоит поискать новое место».

Оля умолкла, затем пошла к двери.

– Необходимо найти Анатолия, он затаился в доме.

– Кажется, он ушел, – возразила я. – Раиса оставила меня одну, а сама понесла мужу на подносе чай. Через какое-то время в кухню зашел мужчина в пальто, шапке и нелепых голубых перчатках. Помаячил на пороге и удалился. Не сказал ни «здравствуйте», ни «до свидания» и произвел странное впечатление. Я удивилась, не поняла, кто он такой, но сейчас полагаю, что видела Анатолия.

Глава 5

Оля нахмурилась:

– Невероятно. Повторяю, он затворник. Я ни разу не встречалась с ним, он не пришел даже в ресторан, когда мы отмечали юбилей его жены.

– Сидит безвылазно дома? – уточнила я. – Похоже, у гения проблемы с психикой.

Оля пошла к двери.

– Давайте еще раз обойдем все помещения. Толя человек ревнивый, когда к жене заезжают гости, он тут же начинает капризничать, требует еды, скандалит. Рая не любительница созывать народ, но пару раз, очень давно, она меня приглашала, и всегда получалось одно и то же. Не успевали мы сесть за чашечку кофе, как из коридора неслось: «Рая! Чаю! Немедленно!»

Бедняжка пыталась успокоить супруга, а тот лишь сильнее злился, переходил на крик. Скажите, вам хочется участвовать в семейном скандале?

– Естественно, нет, – возразила я, – даже если близкие подруги в моем присутствии ругаются со своими мужьями, я испытываю дискомфорт. Создается впечатление, что подглядываю за кем-то.

– Вот-вот, – протянула Оля, – в результате Анатолий отвадил от дома всех, кто хотел общаться с его супругой, получив Раю в свое полное распоряжение.

Мы еще раз тщательно осмотрели дом, и Ольга констатировала:

– Похоже, здесь никого нет! Куда мог подеваться Потапов? С какой стати он ушел поздно ночью, в декабре? Да он и жарким летом отказывается в парк выйти! Что случилось?

– Вероятно, Раиса отнесла в кабинет поднос, и ей стало плохо, – предположила я, – она потеряла сознание, упала, Толя испугался и убежал. Вот только странно, что он, увидев меня на кухне, не произнес ни слова.

Оля вытащила из кармана мобильный и набрала номер.

– Анатолий не общается ни с кем, кроме жены. У него такой принцип: никогда не иметь дело с посторонними.

– Но Рая лишилась чувств! – возмутилась я.

Ольга с сомнением посмотрела на сотовый:

– Вальтер не отвечает. Наверное, уехал в охотничий дом. Вальтер, это комиссар полиции Бургштайна, прекрасный человек и профессионал. Но, к сожалению, как и у всех полицейских, у него проблемы с женой. Элиза хочет полярных вещей: чтобы муж постоянно находился при ней и зарабатывал как можно больше денег. После очередного выяснения отношений Вальтер иногда уезжает в горы, в маленький домик, и становится недоступен для связи.

В руке Волковой зазвонил телефон.

– Да, – ответила она, – о боже! Я совсем про них забыла! Уже едут из аэропорта? Сейчас буду! – Хозяйка издательства сунула сотовый в карман. – Слышали когда-нибудь фамилию Звонарев?

– Владелец фабрик, заводов, лесов и пароходов? – улыбнулась я. – Ну кто же не знает про Федора Звонарева и его дочь Надю. Бизнесмен – постоянный гость на

всяких телепрограммах, он стал частью шоу-бизнеса, а Надя зажигает на вечеринках.

– Давайте поедем домой, – предложила Оля и поспешила в холл, продолжая говорить: – Все верно, Федя обожает внимание, он человек-фейерверк, Надежда безалаберное существо. Звонарев потерял жену, когда дочь была совсем маленькой. Федя только-только начал зарабатывать приличные деньги, и они ему, как водится, ударили в голову. Ну и понеслось: тусовки до утра, по четыре турбийона на руках, костюмы с бриллиантовыми пуговицами, ботинки из кожи мамонта и, конечно, самые святые мужские игрушки – машины. Федя частенько садился пьяным за руль и летел сломя голову по проспектам. Хорошо хоть, подобные заезды он в основном устраивал после полуночи на относительно свободной дороге. Автомобили он менял как перчатки. Знаете популярный анекдот про то, как новый русский приобрел «Роллс-Ройс», а через неделю пришел в салон и сказал:

– Ребята! Пора покупать новую машину!

– Разбили «Роллс-Ройс»? – пришел в ужас дилер. – Сломаться он ну никак не мог!

– Не, парень, – успокоил его «малиновый пиджак». – Просто пепельницы переполнились. Ну не ездить же в тачке с окурками!

Звонарев поступал так же. Порой сам забывал, на каком автомобиле сегодня приехал в ресторан, и со смехом говорил приятелям:

– Привет, пацаны! Забыл в тачанке барсетку, пошел на парковку, встал возле колес, жму на брелок, жму. Дверь не открывается! Я в непонятке. Тут подгребает Сенька Манин и спрашивает: «Чё мою колымагу открыть пытаешься?»

Я зырк на тачку и типа фигею! Ну ваще! Я ж вчера свой «Феррари» на «Бугатти» поменял, сейчас в манинскую телегу лезу, ну позабыл.

Первые российские бизнесмены, достигнув определенной планки финансового благополучия, живо меняли старых жен на юных блондинок, но Федор остался со своей Таней, которая была под стать муженьку. Они часто веселились вместе, Татьяна пила наравне с супругом, а потом садилась рядом в машину и

приказывала:

– Втопи педаль! Жми на газ!

Большинство нормальных жен попытается отнять у потерявшего соображение супруга ключ или, сохранив трезвость, садится за руль. Но Таня не была обычной женщиной. Наоборот, она принадлежала к категории ненормальных, поэтому любую затею пьяного обормота приветствовала радостным гиканьем. Дочь Татьяна отдала профессиональным нянькам, по неделям не захаживала в комнату девочки, которой занимались знающие, но чужие люди.

У Звонаревых была целая армия ангелов-хранителей. Все их выходки заканчивались благополучно, но потом кто-то из покровителей на небесах замешкался, и гоночный автомобиль бизнесмена впечатался в бетонный столб.

За рулем находилась Таня, она погибла на месте. Федор не получил ни единой царапины. Когда сотрудники ГАИ вытащили его из покореженного салона, Федор… спал. Он был до такой степени пьян, что ничего не мог вспомнить даже спустя сутки. Когда мозг бизнесмена начал работать в привычном режиме и до него донесли весть о кончине супруги, Звонарев здорово перепугался.

С тех пор Федор не выпил ни капли. Он навсегда отказался от алкоголя, перестал гонять на машинах, остепенился и сейчас является образцом нравственности. Единственное, в чем можно его упрекнуть, это в чрезмерном честолюбии: Звонарев обожает красоваться перед телекамерами, готов бежать на любую передачу и рассуждать на все темы, не чурается участвовать в шоу с сомнительной репутацией и с радостью готов плясать на льду или бороться с быком. К слову сказать, телевизионщики обожают Федора, у него хорошо подвешен язык, нет ни малейшего смущения перед камерой, Звонарев всегда отлично одет, аккуратно подстрижен, позитивно настроен и старается понравиться всем: зрителям, операторам, режиссеру, гримерам и даже девочке, которая встречает гостей у входа в телестудию. Почему сказочно богатый человек ведет себя, словно школьник, которому дали возможность помахать друзьям с телеэкрана ручкой, совершенно непонятно. Надо просто воспринимать его непомерную жажду славы как должное.

Спустя год после кончины Тани Федя женился на диаметрально противоположной ей по характеру Оксане. А та быстро родила девочку, назвала

ее несовременным именем Зинаида, выгнала из дома обнаглевшую от безнаказанности и отсутствия присмотра прислугу, стала сама твердой рукой вести хозяйство и заниматься детьми. Оксана оказалась отличной матерью, в меру требовательной, заботливой, ласковой, поощряющей детей за хорошие поступки и сурово пресекающей любые капризы. Но, к сожалению, у девочек был папа, который отчаянно их баловал. Мало того, что Федор покупал им не положенные в их возрасте вещи вроде бриллиантовых ожерелий, так он еще не забывал говорить про Надюшу:

– Бедняжка! У девочки нет матери! Надо ее радовать! Ребенок страдает!

Только не подумайте, что младшая девочка ела на золоте, спала на бархате, а старшая грызла сухари в чулане. Надя и Зина имели все поровну. Но если жена наказывала Зинаиду, отец помалкивал, а вот когда карающий меч пытался опуститься на голову Нади, Федор ощетинивался и кричал:

– Не смей трогать сироту!

Дети – моментально обучаемые системы, поэтому Надя быстро усвоила: она может вытворять любые безобразия, папенька всегда встанет на ее защиту. Хулиганке надо лишь оттопырить губу и плаксиво протянуть:

– Я так страдаю без мамы!

Один раз Оксана не выдержала и резко ответила:

– Настоящая мать тебе я! Женщина, которая тебя родила, не хотела о тебе заботиться и погибла оттого, что пьяной села за руль. Очнись! Прекрати безобразничать, возьмись за ум.

Куда там! Добрый папа совал «страдалице» в карман толстые пачки купюр и очень «педагогично» заявлял:

– Гуляй, пока молодая. Выйдешь замуж, не потусишь!

И Надя, которой уже давно не двадцать, а хорошо за тридцать, до сих пор веселится на полную катушку. Она вечный ньюсмейкер для желтой прессы не

только России: у Звонарева дома в Ницце, Сан-Тропе, квартира в Париже. Надя летает на личном самолете, закатывает в столице Франции шумные вечеринки, около ее подъезда на «Улице четырех ветров» вечно сидят в засаде папарацци.

Зина не похожа на сестру, она застенчивая, тихая, никогда не наденет мини-юбку и топик, обнажающий пупок. Младшая дочь Звонарева поэтесса, любимое ее занятие – забиться в угол беседки и сидеть там с рассвета до заката, записывая стихи. На светских мероприятиях Зина появляется исключительно с родителями, у нее нет широкого круга общения. Единственная подруга, самая близкая, которой можно доверить любые тайны, и она никогда не предаст, – это Надежда.

Конечно, странно, что столь разных девушек связывают столь близкие отношения, но, сколько ни удивляйтесь, положение вещей именно таково. При этом Зина никогда не осуждает Надю, а та не навязывает сестре свой образ жизни, не втягивает в разгул и не обзывает ботаном. Надя горой стоит за Зину, и если старшей покажется, что кто-то пытается обидеть младшую, от хама не останется даже рваной тряпки: Надя спалит его из огнемета. Да что там обидеть! Достаточно покоситься в сторону Зины или хмыкнуть при виде ее фигуры в сером балахоне. Узрев усмешку, Надя вскочит на боевого слона и понесется на вас, размахивая саблей. Убежать пока никому не удавалось, пленных старшая дочь Федора не берет, рубит головы наотмашь. В детстве, если Оксана наказывала младшенькую, ставя ее в угол, Надежда подбегала к мачехе, кусала ее и орала:

– Это моя Зина! Я сирота! Меня нельзя обижать! Немедленно выпусти Зинушку, или у меня будет аппендицит!

Зинаида всегда помогала Наде с уроками. У девочек два года разницы, но третьеклашка умела решать задачи по алгебре, с которыми не могла справиться сестра, посещавшая пятый класс. Зина писала за Надю сочинения, доклады, щелкала задачи по математике, физике и собственноручно делала наглядные пособия, ну, например, смастерила из папье-маше скелет человека для кабинета биологии. Он вышел настолько правдоподобным, что училка пришла в полнейший восторг, мигом забыв все выходки Нади вроде рассыпанных на ее стул кнопок, и поставила старшей Звонаревой жирную пятерку за год.

А Надя отомстила Ангелине Семеновне, руководительнице школьного театра, которая не захотела дать Зине роль в спектакле. Противная баба сказала

девочке:

– У тебя нет таланта и внешность подгуляла. Джульетту будет играть Ника Рюминова.

– Эта драная кошка? – возмутилась Надя, узнав о решении Ангелины. – Да у Ники жирные ноги, а задница семьдесят восьмого размера. А ты красавица.

– У Ангелины другое мнение, – дрожащим голосом произнесла Зинаида, – да я совсем даже не расстроилась!

– Ага, – зловеще протянула Надя, – ну-ну, посмотрим их постановку.

Спектакль прошел успешно, правда, бочкообразная фигура возлюбленной Ромео вызвала ехидные смешки в зале, которые перешли в шушуканье, когда на сцене возникла Ангелина Семеновна в образе кормилицы, но в целом премьера удалась. Но когда Джульетта и ее няня начали смывать грим, они неожиданно столкнулись с рядом трудностей. Парики никоим образом не желали слезать с головы, накладные ресницы не отклеивались, тени, румяна, губная помада держались насмерть. Ника разрыдалась, в конце концов ей пришлось наголо обрить голову. Ангелина кое-как избавилась от синтетических кудрей, но боевой раскрас держался на их лицах недели две.

Надя так и не рассказала Зине, чем намазала внутреннюю поверхность париков и какую едкую краску подмешала к гриму. Старшая дочь Федора изощренно наказала обидчиц младшей и осталась непойманной. Конечно, директор школы не сомневался, кто автор проделок, но вызванная на ковер Надя спокойно выслушала выговор, с явным удовольствием посмотрела на рыдающих Ангелину с Никой и произнесла замечательный спич:

– Огульные обвинения делать опасно. Есть ли у вас улики, свидетельствующие о том, что грим испортила я? Меня кто-то видел? Покажите этого человека. Можете предъявить записи камер наблюдения?

– Все знают, что твоя бесталанная сестрица-уродина хотела исполнить роль Джульетты, – взвизгнула забывшая о статусе педагога Ангелина.

Надя кивнула и достала из кармана диктофон:

– Хорошо, здесь записано, как вы нас обозвали, меня и Зиночку. Делом займется адвокат отца, думаю, вам предъявят обвинение в клевете, превышении служебных полномочий, нанесении морального вреда ребенку, ну и еще что-нибудь, я не очень хорошо разбираюсь в законах.

Оля перевела дух и взглянула на меня.

– Ну как?

– Интересная девочка, – улыбнулась я, – не давала в обиду ни себя, ни сестру.

Ольга нажала на брелок. Большие ажурные ворота медленно разъехались в стороны.

– Она таковой и осталась, несмотря на свои тридцать с хвостиком. Не изменилась ни на йоту! Не учится, не работает, кочует из одного клуба в другой, радует желтую прессу. Зина другая. Окончила Литературный институт, много читает. Я давно знакома с Федором, его дети выросли на моих глазах. Я считаю их своими племянницами, близкими, родными людьми. Звонарев очень хотел, чтобы мы выпустили сборник стихов Зины. В России, по его мнению, нет издательства, достойного таланта дочери. Мне пришлось прочитать рукопись. Обычно начинающими авторами занимаются редакторы, но наш завотделом поэзии не рекомендовал ее вирши к печати, я решила сама их прочесть и попала в крайне неловкое положение.

Оля повернула руль, мы въехали на дорогу, освещенную яркими фонарями, и направились к темнеющему вдали коттеджу.

– Стихи оказались откровенно слабыми, – продолжала Волкова, – подобной, с позволения сказать, поэзией нас заваливают графоманы. Следовало набраться окаянства и честно сказать Феде: «Прости, Зина сочинила нечто неудобоваримое», – но я приняла малодушное решение выпустить сборник, о чем потом пожалела. На Зину ополчились критики, пришлось активно ее защищать. Я побаивалась, что она, не дай боже, решит продолжить рифмоплетство, но Зиночка больше не строчит поэмы, около года назад она неожиданно сама, без посредничества отца, прислала рукопись пьесы с

короткой запиской: «Дорогая тетя Оля, я решила сменить направление творчества. Пожалуйста, оцени. Извини за беспокойство, но ты должна дать объективную оценку. В Москве три режиссера сразу воскликнули: «Потрясающе», – а потом добавили: «Надеемся, ваш отец будет полностью спонсировать спектакль». Мне хочется думать, что пьеса неплохая, но театральным режиссерам в России хочется сорвать куш побольше. А ты скажи честно. Если пьеса хороша, то я мечтаю, чтобы ее поставили именно в Бургштайне. Твоя Зина».

Оля не сразу взяла в руки рукопись, но потом у нее выдался свободный вечер, и она решила полюбопытствовать, что там наваяла Зинаида. Ольга погрузилась в сюжет и, одним духом проглотив пьесу, сказала:

– Гениально!

Глава 6

– Прямо-таки гениально? – улыбнулась я.

– Сама удивляюсь, – кивнула Волкова, – никудышные детские стишата – и потрясающие диалоги, лихо закрученная интрига, непредсказуемый конец. Я тут же показала пьесу главному режиссеру нашего театра, тот вцепился в нее, аки лев в ягненка, и начал репетировать. Понимаете, драматургов полно, а хороших сюжетов нет. На одном классическом репертуаре театрам не выжить, зритель ждет современного действия, но писатели не хотят создавать позитивные произведения, их тянет к чернухе, безысходности. У Зины же получилась оптимистическая пьеса. Кстати, в Москве ей по-прежнему делают предложения, даже перестали просить спонсорской помощи от отца, режиссеры почуяли успех. Но Зиночка уперлась: «Хочу сотрудничать исключительно с Бургштайном, и точка!» Весь год они с Надей летают между нами и Москвой, активно участвуют в постановке, в основном, конечно, говорит Надя, Зинаида помалкивает, но видно, как ее волнует проект. На двадцать девятое декабря намечена премьера. Здание театра у нас большое, и Бургштайн – единственная административная единица в округе, имеющая сцену, поэтому сюда съезжаются отовсюду, и каждая новая постановка сразу становится важным событием.

Оля припарковалась у парадного входа и отстегнула ремень безопасности.

– Из моей дурной головы вылетело, что Зина и Надя сегодня прибывают в Бургштайн. Публика захочет приветствовать автора. Ну почему я не занесла в ежедневник дату очередного приезда девушек? Хорошо хоть Роберт вспомнил и поехал за ними в аэропорт, а то могла выйти очень и очень некрасивая накладка! О! Нет! Только не это!

Я, уже успевшая открыть дверцу, вздрогнула:

– Что случилось?

Хозяйка указала на крохотную малолитражку цвета испуганной мыши:

– Ну вот. Приперся!

– Кто? – не поняла я, но ответа не получила.

Из дверей особняка выскочила огненно-рыжая, усыпанная несмотря на декабрь веснушками женщина и, звеня бесчисленными браслетами на тонких запястьях, повисла у Волковой на шее.

– Тетя Оля! Я тебя обожаю! Обожаю!!! Обожаю!!! О! Скоро премьера!

Ее короткое, облегающее платье задралось почти до пояса, показались крошечные трогательно-розовые трусики.

Оля сделала попытку высвободиться из крепких объятий красавицы.

– Надя, выпусти меня! Ничего особенного я не совершила. Зина написала чудесную пьесу. Мое участие в ее судьбе минимально. Вы все сделали сами, много работали, жили в самолете между Москвой и Бургштайном.

– Нет, нет, нет, это все ты, – не успокаивалась Надя, втаскивая Олю в холл, – я знаю, как большинство людей поступает. Услышат просьбу посмотреть будущую пьесу, пообещают непременно с карандашом в руках прочитать текст, и ну ее на…! А ты!

– Надя права, – прошелестело от двери, которая вела в гостиную, – без тебя, тетя Оля, ничего бы не вышло!

Я прищурилась. Зина совершенно не похожа на Надежду, даже странно, что у них один отец. Во внешности младшей сестры нет никаких ярких красок: темно-русые волосы, серо-голубые глаза, бледная кожа. Одежда под стать облику: на Зине балахон, напоминающий мешок для картошки. Хотя, вероятно, перед нами дорогой прикид, отвечающий современным модным тенденциям. Единственное, что роднит женщин, это моложавость. Обеим за тридцать, но больше двадцати пяти ни той, ни другой не дать.

– То, что пришлось по вкусу мне, полдела, – улыбнулась Оля, – главное, Оскар вдохновился и начал работу над спектаклем. Режиссер обладает безупречным вкусом, но даже он не смог придраться к тексту. Вы присутствовали на многих репетициях, сами видели!

Надя повернулась к сестре:

– Я же говорила, ты гениальна! Шекспир с Чеховым отдыхают!

– Ну, не до такой степени, – улыбнулась Оля.

– До такой! – топнула ногой Надя. – Просто люди не любят никого хвалить. Вот покритиковать, поругать, это пожалуйста!

Из коридора послышалось мерное постукивание и звук шаркающих шагов.

– Тетя Оля, у тебя поселилась кошка с деревянной ногой? – хихикнула Надя.

Из гостиной высунулся Роберт.

– Нуди приехал, – прошептал он.

– Я видела его машину, – мрачно сказала Ольга.

– Как? Он еще не умер? – звонко спросила Надя. – А все ноет, что его секунды сочтены.

Оля округлила глаза, схватила не особо учтивую гостью за плечо и увела в правое ответвление коридора. Зина пошла следом.

– Кто такой Нуди? – обратилась я к Роберту, который направился в другую сторону.

Роб закатил глаза.

– Наше личное несчастье. Ресторанный критик, очень известный, совершенно неподкупный. У Нуди белоснежная репутация. Если он поставит трактиру в своей статье три с минусом, люди туда не пойдут. А раз похвалил заведение, то оно безупречно. Нуди ни для кого не делает исключений. Его мать, Тереза, русская, вышла замуж за итальянца и всю жизнь держит в Париже заведение «Три рыбки». Собственно говоря, от нее Нуди и почерпнул первые знания о кулинарии и ресторанном бизнесе. Мать мечтала видеть сына поваром, хотела передать ему трактир, поэтому отправила мальчика учиться кулинарии. Но из Нуди не получилось толкового мастера. Стоять у плиты ему лень, там жарко, душно, ножи острые, можно порезаться, кипящим маслом обжечься. Нуди избрал иной путь. Стал вести в одной из местных газет полосу «Гурман на прогулке». Очень скоро его переманили в крупное издание, и Нуди стал знаменитостью. Он сейчас не только пишет для журнала, но и ведет программу на радио. Нуди составляет рейтинги, он может испортить вам бизнес. Занесет в черный список – и адью посетители. Его боятся, ненавидят, но уважают за принципиальность. Нуди не пожалел даже Терезу, он на всю Европу объявил, что его мамаша пренебрегает санитарными правилами на кухне, отвратительно готовит панакотту и под видом поросятины подает вульгарную свинину.

– Хочется, как Надя, спросить: «Он еще жив?» – хихикнула я.

Роберт усмехнулся:

– Вполне. Правда, Тереза заявила: «Ты мне не сын!» Но Нуди, по-моему, не очень расстроился. У него менталитет ящерицы: сидит на ветке и медленно моргает. Ни жены, ни детей нет, махровый эгоист.

– Он ваш друг? – полюбопытствовала я, когда мы очутились в гостиной.

Роб начал рыться в коробке с конфетами, стоящей на буфете.

– Мы выпускаем книги Нуди, посвященные ресторанам. Народ их обожает, потому что они похожи на детектив. Нуди описывает, как он, тщательно загримировавшись, заходит в харчевню и начинает свое расследование. Поверьте, рассказ о том, какие уловки использует критик, чтобы проникнуть на кухню, достоин пера Агаты Кристи. А его язвительный слог? Посмотрите-ка!

Роберт бросил в рот шоколадку, подошел к шкафу, вытащил из него том в яркой обложке и начал читать вслух:

– «Ресторан «Венеция» в городе Миль поражает с первого взгляда. Как правило, хозяин называет свое заведение тем именем, которое ему подсказала жена. Помню, слышал как-то раз такой диалог: «Дорогой! Что мы напишем на вывеске?» – «Я хотел указать там имя «Роза». – «Это еще почему?» – «Ты забыла? Так зовут мою маму». – «Нет, милый, я ничего не забыла, более того, я уверена, что всех стошнит, когда они прочитают «Роза», людей схватит гастрит, энтерит, колит и нервная почесуха. На вывеске напишем «Ово». – «Но почему, моя радость?» – «Очень красиво выглядит. Если ты откажешься, я уйду. Только «Ово». Никакой Розы!»

Однако владелец харчевни решил сделать привязку к местности. В непосредственной близости от ресторана, дверь которого по помпезности напоминает вход в Лувр, расположена канава, по которой протекает мутный ручей, по всей вероятности, появившийся на свет в результате прорыва трубы канализации. А те, кто бывал в знаменитом итальянском городе, знают, что от знаменитых каналов тянет редкостным смрадом. Поэтому я полностью согласен с владельцем «Венеции», название пришлось ко двору. Ну, согласитесь, странно называть харчевню, раскинувшуюся на берегу реки с дерьмом, «Розовый куст»!

Но хватит стоять у входа! Откроем шикарную дверь, украшенную инкрустацией. Осторожно! Под первым впечатлением, вы, полагая, что она вырублена из цельного массива дуба, рванули ее что есть силы и… влетели в стену. Ба! Дуб-то из фанеры! Медальоны пластиковые! Пустячок, а неприятно!

Все отрицательные эмоции отступают, когда ваш взгляд натолкнется на люстры. Муранское стекло! Венецианский хрусталь! Роскошь дворца! Шикарные ковры!

Ну-ну, не падайте от восторга. Это тоже небольшое надувательство. Конструкция под потолком из пластика, а половик на полу – плод труда африканских женщин, состряпан в полутемном подвале подпольной фабрики, коих много на Черном континенте. Красная цена ему – доллар за километр.

Забудем об оформлении, об отбитой раковине в мужском туалете, отсутствии мыла в женском и заглянем в меню. Поверьте, вас ожидают ошеломительные открытия…»

Роберт посмотрел на меня поверх страниц.

– Дальше читать?

– Пожалуй, не стоит, – засмеялась я, – вездесущий парень умудрился заглянуть даже в дамскую комнату? Кстати, у него странное имя.

Роб захлопнул томик и отнес его на место.

– Сокращение от «зануда». Журналиста случайно так назвала крошечная дочка одного из ресторатора, которая, увидев, как он входит в папино заведение, заорала:

– Внимание! Нуди приехал!

Критик расстроился, что девочка его вычислила, и сказал ей:

– Я Эдуард.

– Нет, – уперлась малышка. – Вчера папа сказал маме: «Мне посоветовали быть осторожнее! Нуди шарит поблизости!»

– Нуди? – удивился Эдуард. – С чего он меня так величает?

– Потому что вы такой нуди! – воскликнула крошка. – Ко всем приезжаете и нудничаете, нудничаете и повсюду лазаете!

На этой фразе из глубины заведения вышла хозяйка, схватила дочь на руки и застрекотала:

– Мадлена не понимает, что говорит! Она еще крошка!

– Папа, – послышался во дворе голос мальчика-подростка, – Томас звонил, предупредил, что к нам Зануда направился.

Хозяйка стала похожа на сочный азербайджанский помидор, а Эдуард сообразил, что девочка исковеркала слово «Зануда».

Надо отдать должное критику, он обладает чувством юмора. Девочка развеселила Эдуарда, и он начал подписывать свои статьи «Нуди». Прозвище моментально к нему прилипло, и все сразу забыли, что вообще-то его при рождении окрестили Эдуардом. Даже Тереза, которую после разгромной рецензии на ее таверну пригласили на телешоу и задали вопрос: «Вы сильно повздорили с сыном после публикации не очень приятной для вашего бизнеса статьи?» – заорала:

– Чертов Нуди мне не сын. Если он смотрит телевизор, то пусть слышит: «Нуди, я на порог тебя не пущу!»

– Хорошо, что у вас не ресторан, а издательство, – заметила я.

– Верно, – согласился Роберт, – но, позволю себе заметить, если речь идет не об общепите, то Нуди вполне приятный человек.

Следующие несколько минут мы болтали ни о чем, потом Роберт кивнул в сторону телевизора, транслирующего первый канал российского телевидения:

– Погода!

– Аномальная летняя жара и жестокая зимняя стужа, – завела диктор. – Сейчас в Москве столбик термометра опустился ниже отметки минус тридцать пять

градусов. Завтра будет еще холоднее. Если у вас нет настоятельной необходимости покидать квартиру, лучше останьтесь дома. Помните, что от спиртных напитков вас может потянуть в сон, а человек, упавший в сугроб, запросто замерзнет. Для помощи водителям, которым стало плохо на трассе, еще летом была организована специальная линия связи. Если вы ощутили дискомфорт, головокружение, боли за грудиной, тяжесть в голове, припаркуйтесь на обочине и звоните по номеру шестьсот шестьдесят шесть шестьдесят шесть шестьдесят шесть. К вам скоро приедет…

– Смерть с косой! – хмыкнул Роберт. – Отличный совет, это число дьявола! Набрал номер из одних шестерок, и вскорости на дороге материализуется сам Вельзевул. Ладно, пойду спать, авось ко мне сатана не заявится.

Я тоже направилась в свою комнату. Интересно, кому пришло в голову дать комбинацию из шестерок для номера службы спасения? В России номер 666-66-66 вряд ли сочтут счастливым.

Глава 7

Утром, когда я спустилась в столовую, Оля вела разговор с мужчиной, одетым в темный костюм и галстук. Увидев меня, она сказала:

– Как спалось? Виола, знакомьтесь, это Вальтер, наш Эркюль Пуаро. Вальтер, ты видишь перед собой известную российскую писательницу, автора детективов госпожу Тараканову.

Полицейский чуть привстал, затем снова сел.

– Несмотря на род своих занятий, я люблю криминальный жанр, хотя читаю романы про расследования скорей как сказку. И на Эркюля Пуаро я, увы, мало похож.

– Может, вам следует отпустить усы? – улыбнулась я.

Вальтер засмеялся:

– О нет! Жена из дома выгонит. Элиза говорит, что мужик с растительностью на лице похож на таракана. А я, только не смейтесь, побаиваюсь насекомых.

– Фу! Гадость! – воскликнула Надя, которая топталась около буфета, выбирая себе булочки.

– В Китае тараканов готовят в сахарном сиропе, – мягким бархатным голосом произнес худощавый брюнет, восседавший слева, у блюда с ветчиной, – потом их накалывают на палочки, и получается нечто вроде нашего сахарного петушка.

– Когда я был маленький, – мечтательно протянул Роберт, – на Седьмое ноября и Первое мая мама всегда водила меня в центр Москвы, к станции метро «Маяковская».

– Зачем? – спросила Зина, ковыряя ложкой творог.

– Погулять, – пояснил хозяин.

– Дядя Роб, ты ходил дышать свежим воздухом два раза в год? – удивилась Надя.

Третий владелец издательства, Борис, как раз в этот момент наливал в чашку кофе. Рука его дрогнула, на скатерти появилось коричневое пятно. Боря, не обратив на него внимания, сказал:

– Надюша, ты забыла, что в начале весны и осени были праздники, которые отмечали всей страной, День Октябрьской революции и Первомай. Люди не работали, они маршировали на демонстрации, а потом бродили по Тверской.

– А-а-а, – протянула старшая дочь Звонарева, – точно! Совсем из головы выскочило. Ну, вроде как на День города: концерты, все перекрыто, кругом жратва и пьяные.

– Нет, дорогая, – усмехнулся Роберт, – ты могла бы это помнить, на начало перестройки ты была уже школьницей, все обстояло иначе. Насчет выступлений артистов ничего не скажу, кто-то пел и плясал. А вот подвыпивших товарищей живо отлавливала милиция. Да и с едой наблюдался напряг. Помню, у метро «Маяковская» сновали цыганки, они торговали леденцовыми петушками. Я все

просил маму купить мне один, но она отказывалась: «Не подумай, что мне жаль денег. Хочешь, на твоих глазах выброшу в лужу десять копеек? Но конфету никогда не куплю».

– Очень злая была у тебя мамаша, – с жалостью произнесла Зина.

– Нет, – улыбнулся Роберт, – она просто боялась, что я подцеплю какую-нибудь болезнь, отравлюсь леденцом, который сварганили в антисанитарных условиях. Сколько лет прошло, но всякий раз, когда я вижу леденец на палочке, вспоминаю маму.

– Тогда ты о ней постоянно думаешь, – протянула Надя, – сейчас сосалки продают повсюду.

– Ну да, – вступила в беседу Ольга, – современным малышам повезло больше, чем советским детям, у нас было мало радостей.

– А я ел в Китае на рынке многие национальные лакомства, – воскликнул брюнет, – вяленых жуков, например. Должен сказать, интересный вкус.

– Фу-фу! – хором закричали сестры.

– Брр, – передернулся Борис.

– Господи, спаси, – всплеснула руками Оля, – разве можно пробовать местную еду на базаре?

– Почему нет? – пожал плечами критик (а это был он), быстро достал из кармана небольшой пузырек, вытряхнул на ладонь красную таблетку и проглотил ее.

– Болит? – с сочувствием спросила Оля. – Давай позову Анну Ильиничну?

Нуди махнул рукой:

– Ничего нового я не узнаю!

За дверью послышался оглушительный грохот. Оля встала, вышла в коридор, и я услышала ее сердитый голос:

– В чем дело?

– Извините, Ольга Сергеевна, – зачастил чей-то картавый голос, – споткнулась.

– Надо быть осторожной, – вскипела хозяйка.

– Простите, сейчас уберу, – сказала женщина.

– Да уж, постарайтесь, – отрезала Ольга.

– Там ковер вспучился, – оправдывалась незнакомка, – задрался.

– Лера, никогда не ищи виноватого, – сурово заметила хозяйка, – имей мужество признаться: «Я бежала с подносом, не смотрела под ноги, споткнулась и уронила посуду». Дорожка ни при чем, она тебя за щиколотки не хватала.

– Это Павел виноват, – плаксиво сказала горничная, – он должен был покрытие проверить. Ему Раиса всегда велит: «Поди посмотри, как лежит ковер». А сегодня не сказала, и вон чего вышло.

– Немедленно принимайся за уборку, – сердито произнесла Ольга и вернулась в столовую.

– Дорогая, не расстраивайтесь, это всего лишь юбилейный тысячный поднос, уроненный Валерией, – попытался утешить жену Роберт.

– Удивительная девушка, не руки, а медвежьи лапы, – удрученно произнесла хозяйка, – да и те косо приделаны. Но в одном она права: Раисы сегодня нет, и все пошло наперекосяк. Кофе – помои!

– Он у вас всегда отвратительный, – подал голос Нуди, – а уж про омлет я вообще молчу!

По лицу Ольги промелькнула тень недовольства.

– Не буду хвалить плохую еду! – продолжал Нуди.

Я решила погасить скандал в зародыше:

– Как самочувствие экономки? Ох, простите, Эдуард, я перебила вас!

– Сегодня Раисе проведут необходимое обследование, – быстро ответила Оля. – Надеюсь, ничего страшного. Вальтер постарается найти Анатолия.

Полицейский кивнул.

– Далеко Потапов не уйдет. У него нет кредитной карты и водительских прав, следовательно, он будет расплачиваться наличными. Я предупредил в гостиницах, мотелях, пансионатах, чтобы сообщали о человеке, который достанет кеш. Сегодня это привлекает внимание. Билет на поезд, самолет или автобус ученый не покупал. Он в Бургштайне.

– Если только не уехал на машине, – сказала я.

Вальтер чуть наклонил голову.

– Я уже говорил, он не умеет водить машину и никогда не получал прав. Да и авто у Потаповых нет. У Раисы – велосипед, но сомневаюсь, что пожилой мужчина им воспользуется.

– Можно попросить приятеля подбросить тебя в нужное место или путешествовать автостопом, – неожиданно вступила в беседу Зина.

Роберт взял кофейник.

– Супруг Раисы – бирюк, я его никогда не видел, но о нем наслышан. Честно говоря, ничего хорошего про него не скажу. Анатолий отлично устроился, всю жизнь сидит на шее жены.

– Сумел втемяшить ей в голову мысль о своей исключительности, – подхватил Борис, – оправдывал свое нежелание работать собственной гениальностью! Помните, Раиса, придя к нам, говорила: «Толя погружен в книгу по математике. Он создаст великий учебник!»

– Бедняжка, – с сочувствием воскликнула Ольга, – она все надеялась, что муженек сочинит научный труд! Но так и не дождалась от него «великого учебника» и сейчас сменила тему: вот уже десять лет тот решает некое уравнение.

– Удивительнее всего, что абсолютно никчемным мужикам удается запудрить мозги своим женам, – сердито воскликнул Борис.

– По-моему, вы ему завидуете, – внезапно сказал Нуди.

Борис положил вилку на скатерть.

– Кто? Я?

– Да, – спокойно подтвердил Нуди.

– С ума сошел? – взвился брат Ольги. – С чего вдруг я должен испытывать зависть? Кстати говоря, это абсолютно мне несвойственно! Кто я и кто Анатолий? Разве может владелец успешного бизнеса, обеспеченный человек…

Нуди тут же перебил говорившего:

– Ясно. У тебя есть деньги, власть над определенной группой людей, почет, уважение, вес в обществе.

– Правильно, – с удовлетворением кивнул Борис.

Нудя поднял указательный палец:

– Но! Ты не имеешь жены, самоотверженной русской бабы, которая обожала бы тебя в любом состоянии и всем твердила о твоей гениальности. Может, Анатолий и сволочь, и лентяй, но он заполучил то, чего тебе никогда не заиметь, –

преданную супругу.

За столом воцарилось молчание, я очнулась первой и быстро сказала:

– Сегодня хорошая погода!

– Солнце светит, – с благодарностью подхватила Ольга.

– Хорошо, что дождя нет, – продолжил Роберт.

– На Рождество хочется снега, елку, игрушек, подарков, – соловьем заливалась я, – посоветуйте, в какой торговый центр лучше сходить, мне надо купить презенты домашним.

– Могу вас подвезти, – галантно предложил Вальтер.

– Огромное спасибо, но я не хочу вас задерживать. Знаете, женщины очень долго готовятся к выходу, один макияж тридцать минут занимает, – улыбнулась я.

– Не совсем верно! – засмеялся полицейский. – Моя Элиза красит глаза по часу.

– Макияж за одну секунду не сделаешь, – заступилась за слабую половину человечества Надя.

Беседа плавно перетекла в обсуждение дамских привычек, Вальтер откланялся, а я пошла в свою комнату. Идея прошвырнуться по магазинам показалась мне заманчивой. В бухгалтерии издательства мне сразу по прибытии выплатили гонорар, надо купить Юре подарки, например, пару-тройку красивых рубашек, привезти приятные мелочи подругам. Сейчас сяду и составлю список покупок. Я не профессиональный шопоголик, поэтому, зайдя в многоэтажное здание универмага, быстро теряюсь. Хожу по бутикам, покупаю кучу ненужных тряпок. А если в руке список, в котором четко указано, что нужно прибрести, то денег потратишь меньше.

Я села за стол, схватила ручку, занесла ее над блокнотом, услышала шорох, подняла голову и увидела Нуди, который без стука ввалился в мою комнату.

Сделав пару шагов по ковру, критик спросил:

– Можно войти?

– Вы уже вошли, – пожала я плечами.

– У меня деловое предложение, – с места в карьер начал он. – Хотите заработать?

– В зависимости от того, что нужно делать, – осторожно ответила я.

– Ресторан «Шпикачка», – сказал Нуди, – им требуется посудомойка.

– В смысле машина? – спросила я.

– Нет, – хмыкнул Нуди, – женщина.

Меня охватило искреннее удивление:

– Неужели еще остались заведения, где тарелки моют вручную?

Нуди сел в кресло.

– Без посудомойки-бабы никак не обойтись, она по-прежнему винтик кухонного процесса. Необходимо сгрести остатки пищи, загрузить машину, вынуть чистую посуду. Увы, это нетворческий труд, поэтому на него, как правило, соглашаются либо пенсионерки, либо идиотки. Предлагаю вам наняться в «Шпикачку».

Я уже успела понять, что Нуди по-детски непосредственен и невоспитан, но произнесенная им фраза меня озадачила.

– Простите? Не поняла?

– Что сложного? – удивился Нудя и повторил: – Предлагаю вам наняться в «Шпикачку».

– Посудомойкой? – уточнила я.

– Шефом вас не возьмут, – язвительно ответил Нуди, – хотя, если они и правда так мерзко готовят, как я слышал, то любой имеет шанс стать главным поваром в этом заведении.

Удивительная бесцеремонность собеседника меня позабавила:

– К какому разряду человечества я, по-вашему, отношусь? К старикам или идиотам?

Критик выпучил глаза:

– Что?

Я положила ногу на ногу.

– Минуту назад вы произнесли: «В мойщицы посуды идут либо пенсионерки, либо идиотки». Естественно, я заинтересовалась, в состав какой группы вхожу я?

Нуди опешил, а я продолжила:

– Вам не пришло в голову, что еще есть студентки, одинокие матери, которым никто не помогает, эмигранты, домашние хозяйки, желающие чуток подзаработать? Они все по разным причинам не могут устроиться на престижную работу. И если человек моет в ресторане тарелки, он от этого не стал хуже. Просто на данном этапе своей жизни он моет посуду. Ничего стыдного в этом нет. Вот просить милостыню около ресторана неприлично, а любой труд почетен. До того, как стать писательницей, я одно время служила уборщицей[2 - Биография Виолы Тараканової рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».] и мечтала дорасти до посудомойки.

Я говорила и говорила. Нуди только сопел и в конце концов спросил:

– Я что-то не так сказал?

– Да, – подтвердила я, – и пассаж про то, что меня легко наймут шеф-поваром на кухню заведения, которое подает редкую мерзость, тоже впечатлил.

– Я так сказал? – изумился Нуди.

– Слова другие, но смысл именно такой, – буркнула я.

Глава 8

Нуди прижал руки к груди:

– Не хотел вас обидеть, простите.

– Ерунда, – милостиво кивнула я, – бывает. И зачем мне наниматься в «Шпикачку»?

Критик затараторил:

– «Шпикачка» – отвратительное место. Хозяин Гриша Азабеков, омерзительный тип, обманщик! Он в свое время владел рестораном «Опиум», подавал там под видом красноперого медноса желтоярого носача! Представляете?

Стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, я воскликнула:

– Полнейшее безобразие! Всем понятно, что красноперый меднос совсем не желтоярый носач!

Нуди заулыбался во весь рот:

– Я его уличил и фактически уничтожил, народ мне доверяет, знает, что я никогда не обману. Поэтому к Азабекову перестали ходить. Но Гриша не сдался. Не прошло и трех месяцев после закрытия «Опиума», как появился «Зефир». Название другое, но принцип работы тот же! Григорий выдавал за каплуна

обычного бройлера! Как вам это?

Я ощутила себя неандертальцем, который изо дня в день лопает убитого собственноручно мамонта. Кто такой каплун[3 - Каплун – кастрированный, откормленный на жаркое петух.]? Вероятно, некий родственник курицы? Может, особый цыпленок?

– «Зефир» я тоже прихлопнул, – разгорячился Нуди, – этот позор был стерт с лица земли. Любой бы понял, следует либо забыть про идею рулить рестораном, либо работать честно. Написал в меню: «Мусс из черногорской аветистки», так не смей вместо заявленного десерта подавать взбитую будовицу. Последняя стоит три копейки за тонну на местных рынках. А вот аветистка тянет на сто долларов за килограмм. Есть разница? Но Григорию урок не впрок! И он обустроил «Шпикачку». Знаете, как мерзавец назвал заведение?

– «Шпикачка», – с удивлением ответила я, решив не спрашивать, что за звери эти аветистка с будовицей. Оказывается, я полнейший профан в еде: про красноперого медноса и желтоярого носача тоже не слышала.

Нуди вскочил, воздел руки к небу, принял позу актера древнегреческого театра, изображающего вселенскую скорбь, и возопил:

– Ресторан авторской кухни! Вот что самое возмутительное!

– Почему? – совершенно искренне спросила я.

Нуди упал в кресло и повторил:

– Ресторан авторской кухни!

– Простите, я ничего не смыслю в ресторанной сфере, – сказала я, – мне главное, чтобы подали вкусную еду на чистой тарелке. Еще хочется получить нормальную порцию, а не чайную ложечку пюре в компании с одним граммом рыбы.

– Авторская кухня предполагает креатив повара, – холодно произнес Нуди, – а в «Шпикачке» в меню значится «Домашняя запеканка с мясом ягненка». Где здесь креатив? А? И я абсолютно уверен: вместо дорогого ягненка Григорий

использует дешевую свинину.

– Ясно, – кивнула я, – но зачем подсылать на кухню посудомойку?

– Чтоб добыть разоблачающие факты! – ответил Нуди. – К кухне постороннего не подпустят, приходится хитрить. Сам я не могу наняться.

– Да уж, – согласилась я, – сомневаюсь, что Азабеков испытает радость, увидев вас.

Нуди поморщился, залез в карман, достал оттуда тубу, вытряхнул на ладонь пилюлю и проглотил ее.

– Язва? – предположила я.

Нуди покачал головой.

– Нет. Я прошел кучу обследований, сдал анализы и выяснил – здоров как бык.

– Зачем тогда постоянно принимаете лекарство? – удивилась я.

– Желудок болит, – пояснил Нуди, – то схватит, то отпустит. Такое ощущение, что у меня там бешеная белка поселилась, бегает, царапает когтями, затем затихает. И так по сто раз на дню.

– Значит, есть какой-то непорядок в организме, – предположила я.

– Врачи говорят обратное, – вздохнул Нуди, – ерунда. Забудем о пустяковых проблемах, займемся важным делом. Вы идеальная кандидатура на роль моей помощницы. Госпожу Тараканову в Бургштайне практически не знают, если скажете, что вы недавно приехали, никто не засомневается. Поработаете всего недельку, как правило, даже трех дней хватает на разоблачение мерзавцев, которые пытаются выдать заведение типа «Глазастый бургер» за ресторан эксклюзивной кухни! Я вам заплачу.

– Спасибо за лестное предложение, но нет, – решительно ответила я.

– Почему? – удивился Нуди. – Вам не нужны деньги?

– Я привыкла зарабатывать иначе, – вероятно, слишком резко ответила я, – пишу книги, получаю гонорары.

Нуди оперся ладонями о колени.

– Ну это же долго! Пока рукопись нацарапаете, пока ее издадут! А тут сразу солидная сумма!

– Нет, – отрезала я, – не имею ни малейшего желания возиться с грязными тарелками.

– За деньги! – напомнил Нуди.

– Да хоть за мешок с бриллиантами! – воскликнула я. – А сейчас простите, мне надо собираться.

– Куда? – бесцеремонно поинтересовался критик.

Я не сочла нужным скрывать свои планы:

– В торговый центр «Бак».

– Отлично, – обрадовался Нуди, – «Шпикачка» расположена от него всего в паре кварталов. Заодно зайдете в эти рыгаловку, побеседуете по вопросу работы.

– Вы не поняли, что я сказала «нет»? – разозлилась я.

Нуди кивнул и, забыв попрощаться, ушел. Я открыла косметичку, вытащила тушь и услышала:

– Всего три дня! Оплата, как за семь рабочих суток!

Я взорвалась:

– Нуди! Уйди!

Конечно, не совсем прилично переходить с малознакомым человеком на «ты», но критик надоедлив и бесцеремонен, как месячный щенок, вот я и забыла про воспитание.

Дверь хлопнула, я перевела дух, порылась в сумочке с тенями и пудрой, добыла нужную коробочку, глянула в зеркало и заорала. В посеребренном стекле возникло лицо Нуди, который бесшумно вернулся в комнату и теперь маячил у меня за спиной.

– Двойной тариф! – заорал он.

– Нет! – воскликнула я.

– Тройной! – живо надбавил критик и перешел на «ты». – Соглашайся! Лучшего предложения ни от кого не дождешься!

– Исчезни! – приказала я. – Сгинь, рассыпься!

Нуди растопырил пальцы:

– Ладно! Двое!

– Чего? – не поняла я.

– Всего пара суток, – пояснил критик, – я объясню, куда следует заглянуть.

– Послушай, – устало произнесла я, – на каком языке тебе сказать, чтобы ты понял? Нет! Найн! Ноу! Невер! Ну вообще никогда! Жамэ де ма ви!

Нуди потер ладошки.

– Если постоянно теребить человека, то он рано или поздно на все соглашается. Я имею опыт общения с людьми. Сначала ни в какую, а поговоришь с ними от завтрака до ужина, и готово!

– Ты будешь повсюду таскаться за мной? – поинтересовалась я.

– Конечно, – пообещал критик, – и, обрати внимание, чем скорее ты пойдешь в «Шпикачку», тем быстрее избавишься от меня. Я по менталитету тигр, залягу в кустах и выжидаю!

– Обратись к Наде, – посоветовала я, – ей может понравиться участие в такой авантюре.

– Думай, что говоришь! Со Звонаревой в Бургштайне здороваются даже кошки, ты забыла, что ее лицо постоянно мелькает в прессе? – возмутился критик.

– Тогда Зина, – вздохнула я, – младшая сестра тише воды, ниже травы.

– Переваренная петрушка, – возразил Нуди, – свисает с вилки тряпочкой. Нельзя посоветовать менее подходящую особу на роль моей помощницы, чем Зинаида. И она категорически не похожа на девушку, которая нуждается в средствах и поэтому отправилась мыть тарелки. На Зине прямо написано, что она родилась с серебряной ложкой во рту, воспитывалась няньками, имеет в кошельке с десяток платиновых кредиток. А вот в твоем лице есть нечто… э… ну… э…

Нуди защелкал пальцами, пытаясь найти подходящие слова.

– Посудомоечное? – прошипела я.

– О! – обрадовался нахал. – Правильно! Именно посудомоечное! Ты создана для подобной работы.

– Все, – коротко произнесла я, – уматывай!

Но Нуди не дрогнул:

– В чем дело? Отчего столь явная агрессия?

Я встала со стула и попыталась потеснить критика к порогу.

– Тебе было бы приятно услышать, что ты имеешь вид бабы, которая выполняет грязную работу на кухне?

– Совсем нет, – признался Нуди, – мало кого из мужчин обрадует сравнение с бабой.

– Нет женщины, которой понравится услышать, что она похожа на посудомойку, – ответила я.

Нуди удивленно поднял брови:

– Но совсем недавно ты утверждала, что любой труд почетен.

Я притихла, потом неуверенно сказала:

– Да! Но возиться с грязными тарелками и иметь вид того, кто… э… э… ну, короче, все!

– Заплачу по полной, – не успокаивался Нуди.

– День-ги мне не нуж-ны, не нуж-ны! – по слогам сказала я. – День-ги не нуж-ны!

– Миллион евро? – прожурчал Нуди.

Я хотела гордо воскликнуть: «Никогда!» – но совершенно неожиданно для себя произнесла:

– Хорошо. За сумму с шестью нулями я подумаю.

Нуди весело рассмеялся:

– Ну конечно! Кто откажется от «лимона»! Только у меня его нет.

Я испытала желание взять бутылку с минеральной водой, которую кто-то заботливо поставил на стол, и опустить ее на башку критика. Понадобилось большое усилие воли, дабы сдержать порыв, зато я выпалила:

– Что за глупый прикол?

– А ты алчная, – с радостью констатировал Нуди, – меньше чем за миллиончик не хочешь помочь человеку.

– Угадал, – процедила я, – а теперь попрошу этого человека покинуть мою комнату.

– Она не твоя, – возразил Нуди, – ты в доме Ольги.

Я опять мысленно потянулась к бутылке с газировкой, еще минута, и я наподдам Нуди, вспомню детство, проведенное на улице!

– Ради чего ты могла бы пойти в «Шпикачку»? – спросил Нуди.

Я внезапно перестала злиться. Ну согласитесь, критик удивительный экземпляр, надо разговаривать с ним в его же духе:

– Алмаз «Орлов»! Принеси этот камень, и я безропотно последую на кухню уличать нечистоплотного ресторатора, – пообещала я.

– Еще варианты? – деловито поинтересовался Нуди.

Я начала методично загибать пальцы:

– «Джоконда», пирамида Хеопса, статуя Давида, казна государства Катар.

Нуди быстро пошел к двери.

– Я подумаю, – бросил он на пороге и исчез.

Я вернулась к прерванному занятию, подцепила тюбик, выдавила из него немного тонального крема, подумала, куда его лучше нанести, решила первым делом заретушировать нос, прикрыла глаза и услышала:

– Виола!

Кусочек губки выпал из пальцев.

– Отвали! – закричала я. – Поворот через плечо и шагом марш!

Мягкая рука прикоснулась к моей спине.

– Вам плохо?

До меня с запозданием дошло: голос не мужской, а женский. Я открыла глаза, обернулась и увидела Олю, лицо которой выражало неприкрытое изумление.

– Простите, пожалуйста, я испугалась, что это критик опять сюда ворвался. Не человек, а пластырь! – извинилась я.

Хозяйка всплеснула руками:

– Вы стали жертвой Нуди? Пойдемте попьем чаю.

– Извините, – смутилась я, идя за ней, – неприятно беседовать с практически незнакомым человеком в подобном тоне, но обличитель рестораторов совершенно не слышит чужих аргументов.

– Чего он хочет? – проявила любопытство Оля, усаживаясь в кресло.

– Крошечную услугу, – улыбнулась я, – просит меня поработать в ресторане «Шпикачка» посудомойкой. Сначала вел речь о неделе, но потом согласился на три дня.

– Идиот! – сердито воскликнула Ольга. – Никаких сил с ним нет. Беда в том, что, наметив жертву, Нуди не отвяжется, пока не заставит вас поступить нужным ему образом. Думаете, почему он живет в моем доме, а не в отеле?

– Полагаю, вы его пригласили, – ответила я, – он ваш автор.

– Правильно, – скривилась Оля, – дом немаленький, и я с удовольствием зову гостей, но Нуди! Он просто сваливается на голову и всех терроризирует.

– Велите его не пускать, – пожала я плечами, – пусть горничная скажет: «Хозяева никого не принимают, вот вам адрес пансиона, где можно снять номер».

Оля замялась:

– Как-то неудобно! Но в последний свой приезд Нуди так нам надоел, что я строго-настрого наказала Раисе: «Ни под каким видом не желаю видеть в доме этого писаку». Ну и что? Вот он! Снова здесь! Нуди обладает уникальной особенностью – он просачивается в любую щель, словно вода. Спасения от него нет! А почему гурман-террорист решил, что вы лучшая кандидатура в посудомойки?

– Нуди сказал, что у меня посудомоечное лицо, – сообщила я.

Хозяйка прикусила губу и постаралась сохранить серьезный вид, но уголки ее рта предательски разъехались в стороны.

– Можете смеяться, – разрешила я, – думаю, потом Нуди заявит про мои веникоподобные руки.

Ольга расхохоталась:

– Боже! Какой болван! Уникальный! Плохая новость: теперь Нуди от вас не отвяжется. Будет подстерегать в разных местах, выскакивать из кустов, нападать в момент, когда вы меньше всего ожидаете его увидеть. Встанет с вами под душ, ляжет в постель, сядет на один унитаз, будет пить из вашей чашки, но добьется своего. Мы с Робертом и Борей вполне способны твердо сказать человеку: «Нет». Но в случае Нуди потерпели фиаско. В конце концов вы сделаете то, что он просит!

– Да никогда! – выдохнула я. – Поймите меня правильно, если вы сейчас попросите: «Вилка, будь другом, пропылесось ковер в гостиной, прислуги нет, а у меня спина болит», – я с радостью приведу комнату в полный порядок, еще и

окна помою. Но Нуди приказывает! И хамски заявляет: «Я заплачу».

Оля опустила глаза в пол.

– Простите, вас в моем доме поставили в неудобное положение, но Нуди – это торнадо. Он налетает, когда хочет! Закроешь дверь, проникнет через окно, каминную трубу.

– Оля, ты где? – прозвучал из коридора голос Бориса.

– В желтой гостиной! – крикнула в ответ сестра.

Дверь бесшумно распахнулась, появился брат хозяйки.

– Помешал вам секретничать? Обсуждаете дамские проблемы?

Глава 9

– Нуди напал на Виолу с требованием устроиться в «Шпикачку» посудомойкой! – воскликнула Оля.

– Зевс-громовержец! – попятился Борис. – Простите, Вилка, но, похоже, вам придется покориться. Чем быстрее, тем скорее он от вас отстанет. Нуди все равно вас сломает. Он мастер в подобных вопросах. Единственный автор, который получает в «Робе» гонорар до выхода книги в свет, – Нуди. У нас четкая позиция в финансовых вопросах, оплата после того, как издание попало на прилавок, но Нуди взорвал ее. Оля, ты не в курсе, где Роберт?

– Вроде собирался куда-то поехать, но я забыла куда, – вздохнула Оля.

В комнату влетела горничная с желтой полоской бумаги в руке.

– Вам принесли телеграмму!

– На бланке? – поразилась Оля.

– Забавно, да? – засмеялся Борис. – Прямо как в детстве. Бабушка открывает дверь, на лестничной площадке стоит почтальон. Бабуля хватается за сердце:

– Телеграмма! Что случилось?

– Вот народ, – недовольно морщится почтальон, – куда ни приду, все за валерьянку хватаются.

– Моя тетка Раиса тоже нервно реагировала на телеграфные сообщения, – сказала я, – почему-то старшее поколение пребывало в уверенности, что телеграмма непременно сообщает о несчастье. У тетки, как назло, была подруга Елена, которая считала своим долгом ко всем праздникам присылать поздравления на праздничном бланке, каждый раз они вызывали у Раисы нервный приступ. Но сейчас все давно перешли на эсэмэски и электронную почту.

– И тем не менее вот он, раритет! – торжественно воскликнул Борис. – Интересно, от кого?

Горничная, не спросив разрешения у хозяев, разорвала красный бумажный клапан, скреплявший бумажку, и нараспев произнесла:

– Ерунда какая-то! «Володя Корсунский рад встрече с Робертом. Целую в сахарные уста. Астрея».

– Чего? – по-детски открыл рот Борис. – Кто такая Астрея?

Оля скорчила гримасу.

– Надо полагать, женщина! Может, это наш автор?

Она посмотрела на горничную и велела:

– Идите на кухню.

Девушка шмыгнула носом и удалилась.

– «Целую в сахарные уста. Астрея», – повторил Борис. – Писатели на всю голову больные. Ох, простите, Вилка, вы к ним не относитесь. То есть, опять простите, я имел в виду, что вы не псих. Астрея, Астрея… Однако наша прислуга нахалка! Распечатала без спроса депешу, да еще вслух прочитала. И какой Корсунский к нам приедет? Ты его знаешь?

– Нет, – поспешила ответить Ольга, – впервые слышу. Но почему ты решил, что этот тип направляется к нам?

– А где он может встретиться с Робертом? – логично предположил Боря. – Позвони мужу, возможно, он все прояснит.

Оля вынула из кармана мобильный, нажала нужные кнопки и с разочарованием протянула:

– Автоответчик.

– Вероятно, он в тоннеле под горой, – без тени тревоги предположил Борис, – или на складе комбината, там сотовый не берет. Минут через пятнадцать попробуем еще раз. Я повезу Надю и Зину на пресс-конференцию, Виола, поедете с нами?

– Я хотела сегодня купить своим подарки, – смущенно сказала я.

– Шопинг намного более приятное занятие, чем встреча с представителями газет и журналов, – согласился Боря, – могу подбросить до нашего лучшего молла.

– Не хочу вас утруждать, доберусь на автобусе, – ответила я.

– Вам придется довольно долго идти пешком, – предупредила Оля, – и ждать оранжевую маршрутку, она нечасто ходит.

– Лошадь подам через пять минут, – заявил Борис и удалился.

Следом за братом гостиную покинула и Оля. Я быстро сбегала в спальню нарисовала лицо, схватила сумку и поспешила во двор.

Универмаг выглядел внушительно, пять этажей перемигивались декоративными лампочками, почти на всех окнах висели объявления «Распродажа», и повсюду сновали люди, обвешанные пакетами. Рачительные европейцы никогда не сделают покупку сразу, они дождутся момента, когда цена на приглянувшуюся вещь уменьшится хотя бы вдвое, а еще лучше, если на девяносто процентов.

Скопление народа всегда действует на меня парализующе. Но ведь глупо ожидать, что за несколько дней до Рождества в крупнейшем молле Бургштайна не будет покупателей. Я подошла к большому стенду и стала изучать план первого этажа. Где тут бутик мужской одежды?

– Я сделаю предложение, от которого ты не сможешь отказаться, – шепнул почти в самое ухо вкрадчивый голос.

Я вздрогнула, как испуганная белка.

– Нуди!

Критик сложил на груди тощие руки.

– Если поможешь мне со «Шпикачкой», я расскажу тебе невероятную историю, которая послужит потрясающим сюжетом для твоего нового бестселлера. История про кухню. Читатели сметут книгу с полок.

– На тему ресторана? – спросила я.

Нуди совершенно случайно наступил каблуком на самую больную мою мозоль. Примерно за неделю до отъезда в Бургштайн я зашла в издательство и услышала от своего редактора Олеси Константиновны фразу:

– Вилка, необходимо разнообразить романы, твоя героиня постоянно ходит в редакцию и там с ней происходят всякие истории.

– Верно, она журналистка, – напомнила я.

– Читателю скоро надоест описание быта газетчиков, – посетовала Олеся, – сначала интересно узнавать про всякие летучки, совещания, но ведь ты повторяешься. Нужно что-то менять.

– Придумать новую героиню? – предложила я.

– Нет, прежняя вполне симпатична, – приободрила меня Олеся, – но лучше поместить ее в другие обстоятельства.

– В какие? – мрачно поинтересовалась я, понимая, что редактор, как всегда, права.

– Это тебе решать, – улыбнулась Олеся.

– Ресторан! – подал голос Андрей, другой сотрудник издательства, который во время нашей беседы рылся в шкафу. – Например, газета прогорела, журналисты остались без работы, героиня никак не может устроиться на службу, а кушать хочется. Она идет на биржу труда, там ей предлагают стать чистильщицей картошки в дорогом заведении. Такие возможности для детектива! Кругом ножи, резаки, тесаки, вилки, сковородки!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Клошар – бомж в Париже. В столице Франции большинство бездомных предпочитает обитать под мостами, на Сене.

2

Биография Виолы Таракановой рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».

3

Каплун – кастрированный, откормленный на жаркое петух.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/strastnaya-noch-v-zooparke

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити